

18+

В. Кулаков

ПОСЛЕДНЯЯ ЛОШАДЬ

Владимир Кулаков

Последняя лошадь

<https://litres.ru/51618203>

ISBN 9785449841636

Аннотация

Читателей ждёт встреча с удивительным миром цирка. «Последняя лошадь» является продолжением ранее написанного романа «Сердце в опилках». Задачей автора было показать не парадную сторону цирка, которую видит зритель на представлении, а мир закулисы, переживания людей, отдавших свою жизнь этому ремеслу. Некоторые общечеловеческие ценности встречаются всё реже. Но есть вещи неизменные во все времена, на которых держится наш мир. Возможно, именно поэтому книга и названа — «Последняя лошадь»...

Содержание

От автора	8
ПОСЛЕДНЯЯ ЛОШАДЬ	10
Глава первая	11
Глава вторая	29
Глава третья	34
Глава четвёртая	41
Глава пятая	48
Глава шестая	53
Глава седьмая	58
Глава восьмая	64
Глава девятая	68
Глава десятая	77
Глава одиннадцатая	82
Глава двенадцатая	90
Глава тринадцатая	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Последняя лошадь

Владимир Кулаков

Дизайнер обложки Михаил Юрьевич Щербов

© Владимир Кулаков, 2020

© Михаил Юрьевич Щербов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-4163-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Там, где кончается арена...

Россия всегда была богата талантами. Вот и сегодня «на крыло» встает новое поколение интересных и талантливых литераторов, к которому следует отнести и Владимира Кулакова.

Профессиональный жонглер и профессиональный журналист, настоящий поэт и романтик, он далеко не сразу, а постепенно, год за годом, шел к такой серьезной литературной форме, как роман.

Роман В. Кулакова «Последняя лошадь» оставил у меня ощущение сопричастности с загадочным для большинства из нас и таинственным миром, именуемым цирк.

Признаюсь, что, взяв в руки книгу вечером, я просидел с

ней до утра. Не мог оторваться! Согласитесь, заставить искушенного читателя на одном дыхании

«проглотить» целый роман – значит создать по-настоящему серьезное и увлекательное художественное полотно.

Сюжет книги – повседневная цирковая жизнь, какая она есть. При этом непосредственно выступления цирковых артистов и аплодисменты занимают в повествовании весьма малую часть. Это скорее некий фон, на котором развиваются основные события. Главные перипетии романа происходят не на арене, а за кулисами.

Перед нами закрытое от посторонних глаз сообщество (даже орден, если хотите), которое живет по своим законам чести. Артисты цирка в романе – люди совершенно различные и по своим привычкам, и по целям в жизни. Однако все они являются рыцарями своего ордена, законы которого для них превыше обид и сиюминутных интересов. Да, в повседневной жизни у цирковых всё, как у остальных людей: любовь, измены, зависть, мелочные дразги, нетерпимость. Но когда в цирк приходит беда, все мгновенно сплачиваются, превращаясь в единое целое! Здесь уже не может быть никакого компромисса, ибо цирк в ответе за каждого из своих сыновей и дочерей.

В романе В. Кулакова есть и мэтры, и молодые неофиты, весельчаки-экстраверты и люди, до сокровытых человеческих глубин которых ещё нужно добраться. Есть и свои мудрые старцы, к которым идут за советом в трудные моменты жиз-

ни.

Цирк в романе В. Кулакова – это миниатюрная модель нашей цивилизации, где отражены не только человеческие пороки, но и Величие Духа, Любовь, и Доброта. На этих «трёх слонах» и держится наш мир. По словам автора: «Цирк – это круглая многогрань...».

Насколько я знаю, до Владимира Кулакова никто еще столь детально и профессионально не описывал внутреннюю жизнь нашего цирка. Это не случайно. Чтобы взяться за такую сложную тему, необходимо быть не только профессиональным литератором, но и профессиональным цирковым. Владимир Кулаков является и тем, и другим.

Главы книги насыщены неожиданными поворотами. Хорошо построенные диалоги и обилие доброго юмора делает чтение занятием лёгким и увлекательным.

Если говорить в целом, то роман «Последняя лошадь» стала безусловной творческой удачей автора. Роман состоялся.

Возьмите в руки эту книгу и, поверьте мне, вы не оторветесь от нее, как не мог оторваться я. Порукой тому – талант автора!..

Секретарь Союза писателей России

Владимир Шигин

Книга, которую вы держите в руках – о Любви, о величии человеческого духа, о самоотверженности в минуту опасности и о многом другом, что реально существует в нашей жизни.

ни. Читателей ждёт встреча с удивительным миром цирка, его жизнью, людьми, бытом. Писатель использовал рисунки с натуры. Здесь нет выдумки, а если и есть, то совсем немного.

«Последняя лошадь» является своеобразным продолжением ранее написанной повести «Сердце в опилках». Действие происходит в конце восьмидесятых годов прошлого столетия. Основными героями повествования снова будут Пашка Жарких, Валентина, Захарыч и другие. Многие персонажи – реальные, некоторые придуманные, точнее списанные с кого-то.

Основной задачей автора было показать не парадную сторону цирка, которую видит зритель на представлении, а мир закулисы, переживания людей, отдавших свою жизнь этому ремеслу. Кому-то покажется, что эта книга вообще не о цирке, и он будет прав. Цирк – это всего лишь точка соприкосновения с окружающим нас миром, который меняется. Некоторые общечеловеческие ценности встречаются всё реже. Но есть вещи неизменные во все времена, на которых держится наш бранный мир. Возможно, именно поэтому книга и названа – «Последняя лошадь»...

От автора

Я долго жил среди цирковых. Я был цирковым. Им остаюсь. Теперь уже останусь навсегда...

Это не профессия, не стиль жизни, не убеждения. Это – «хромосомы». Их необычная комбинация. Это всё вместе. Как проклятье. Или – Величайшая из наград...

В этой книге что-то вымысел, что-то правда. Но где что, теперь трудно определить, столько времени прошло...

Все события книги происходят в 80-х годах теперь уже прошлого столетия. Многих героев повествования на этом свете больше нет. Кто-то ещё жив...

Век настоящий сменил век минувший. Одна эпоха пришла на смену другой. Мне кажется, что незаметно для всех одна человеческая цивилизация сменила другую...

Что-то неуловимо изменилось в этом мире на планете Земля. Поменялось многое, что когда-то грело душу и волновало сердце...

Поменялся цирк, его стилистика. Но не поменялись люди цирка. Они те же, что и прежде. Я с лёгкостью узнаю их на вокзалах, в аэропортах. Мне кажется, я знаю их всех, как своих родственников. Они и есть родственники. Одна кровь. Один «хромосомный» ряд, причудливо созданный Великим Небесным Художником.

В этих людях по-прежнему живёт самое ценное – Челове-

ческая Любовь...

Им я и посвящаю эту книгу...

Владимир Кулаков

ПОСЛЕДНЯЯ ЛОШАДЬ

Глава первая

Поезд замедлил бег, звякнул железной сцепкой, пару раз дёрнулся и остановился. Сутки в почти пустой неудобной плацкарте прицепного вагона остались позади.

– Ну, прощай, Пашка Жарких! – тётя Шура, проводница, улыбнулась, сделав ударение на имени и фамилии пассажира. – Давай, давай, шустрей – не Монте-Карло, стоим всего две минуты!

– Ух, ты, запомнила! – Пашка усмехнулся. Дорогу коротали разговорами о цирковом житье-бытье, жизни вообще и питьём чая. Там он и поведал ей о Монте-Карло, где ежегодно проходит самый престижный международный конкурс среди артистов цирка – тайной мечте каждого из них.

Тётя Шура подняла откидную площадку, протёрла поручень и отступила в сторону.

Пашка быстро спустился вниз. Напрягая крепкие бицепсы, поставил на шуршащий гравий сначала увесистый чемодан, затем дорожную сумку. Никакой платформы не было.

– Счастливых тебе выступлений, артист! – услышал он уже издалека.

Поезд прощально качнул красными фонарями последнего вагона, в котором ехал Пашка, и исчез в мареве летних сумерек.

Он огляделся, прикинул расстояние до прятавшегося в зе-

лени деревьев строения с названием города. До вокзала надо было идти.

Неспешно темнело. В фиолетово-лиловом небе, далеко за краем земли, умирал закат. Тишину нарушали лишь Пашкины шаги по гравию да вечерняя переключка птиц. Пахло ночными фиалками, отцветающей акацией и ещё чем-то, будоражащим молодое сердце.

– Ехали мы, ехали... О, забрался! Мм-да-а, действительно, не Монте-Карло! Встречать, скорее всего, никто не будет...

Наконец появилась платформа с потрескавшимся асфальтом. После гравия шагать стало легче. Пашка поменял в руках местами сумку с чемоданом. Чемодан оттягивал плечо. Лямки сумки впивались в кисти рук, но там было помимо вещей и самое дорогое – жонглёрский реквизит. Всё это он нёс по цирковому куражно и радостно, подбадривая себя репликами вслух.

На привокзальной площади в этот час царило безлюдье. Лишь одиноко светился зелёный глазок такси. Двери в машине были распахнуты. Поставив ногу на бампер, на капоте сидел долговязый парень в кожаной кепке. Она по-пижонски была натянута почти на нос. Для того чтобы что-то рассмотреть, ему приходилось высоко задирать голову. Тёмно-коричневый цвет кепки резко контрастировал со светлыми волосами таксиста. Небрежно торчащие длинные пряди слегка трепал вечерний ветерок. Розовая рубашка была завязана на

животе узлом поверх стареньких джинсов. Он грыз семечки, смачно сплёвывая кожуру себе под ноги.

Цирковая администрация, как всегда, была «на высоте». Молодого артиста действительно не встретили, предоставив его самому себе в незнакомом городе.

В какой стороне располагался цирк, Пашка не ведал, поэтому такси для него было единственным спасением в этот час.

– Куда едем, сэр? Моя «ворона» к вашим услугам до ближайшего ранчо! – таксист указал на чёрную, выдавшую виды, «Волгу».

Парень был чуть старше Пашки Жарких: лет двадцати семи – двадцати восьми. Его «вороной», судя по всему, – не меньше. Машина была во многих местах заметно помята и поцарапана. Ржавчина, потеряв всякий стыд, выставила в металле все дыры напоказ. Сквозь трещины на лобовом стекле виднелся лист картона. На нём была нарисована конская голова и крупными буквами написано: «Последняя Лошадь».

Пашка потоптался в нерешительности, предвкушая перспективы поездки и, вздохнув, пробурчал второй раз за последние десять минут:

– Да-а... Точно не Монте-Карло!..

– Чего, чего, – заинтересовался таксист. – Не понял?

– Поехали, говорю! – Пашка попробовал было пристроить свои вещи в багажник такси.

– Не-не! Не туда, там грязно – масло пролил, утром почи-

щу. Давай в салон. – Хозяин машины выбросил остатки семечек на асфальт, вытер руки о штаны и привычным жестом забросил багаж на заднее сиденье «Волги», охнув от веса чемодана:

– Чего там у тебя, кирпичи, что ли?..

– Книги.

– А-а! Книги!..

– Цирк-шапито знаешь, где стоит в вашем городе? Мне туда.

– Ци-ирк? – как-то по-детски радостно и удивлённо переспросил таксист. – Знаю! Я там вчера клиента подбирал. Уже брезент натянули, кассу поставили. Народу!.. Но туда далеко, на другой конец города, – предупредил он и хитровато посмотрел на Пашку.

– Поехали, поехали! Я вижу – других «лошадей» здесь всё равно нет. – Пашка осторожно забрался на переднее сиденье.

– И до утра не будет. Поэтому – «Последняя Лошадь»... – шофёр со второго раза еле захлопнул водительскую дверь. Он аккуратно положил свою кепку на приборную панель. Кожаный головной убор ему явно нравился и был дорог.

– Так ты – артист? – таксист с интересом рассматривал пассажира, включая счётчик. – Ух, ты! Никогда не видел живого артиста!

– Надеюсь, мёртвого не увидишь тоже, – слегка огрызнулся Пашка, задетый его бесцеремонностью, и тут же подколот:

– На ходу не развалимся, довезёшь?

– Хилый юмор у тебя, дружок! – обидчиво покосился на Пашку водитель, повернув ключ в замке зажигания. «Волга» с минуту не хотела заводиться, «чихала» и скрежетала. Наконец, стрельнув выхлопной трубой, она хрипло заворчала и, скрипя всем железным скелетом, неторопливо набрала скорость. Где-то под ногами что-то повизгивало:

– Выжимной... Подшипник! – пояснил шофёр. Он пару раз резко ударил стопой по педали сцепления. Визг прекратился. – О, нормально!..

Пашка, после того, как убедился, что машина после «клинической смерти» всё-таки вернулась к жизни и даже едет, спросил:

– Как вас на линию-то в таком виде выпускают?

– У нас тут не Москва – всё попроще! Хм, как в Марьиной Роще... – таксист покосился на пассажира и тут же гнусавым женским голосом дурашливо спросил:

– Гражданин! Вам «шашечки» или ехать?..

– Что ж ты довёл свою «лошадь» до такого состояния?

Шофёр криво усмехнулся:

– Это не я. Тут до меня с десятков «наездников» трудились. Она вообще не ездила, стояла ржавела в «железном ряду» – это у нас так списанные машины зовутся. Я её за два месяца поднял. Скоро обещали новую «тачку». Вот и терплю...

Пашка вытягивал шею, на дорогу смотреть мешал кусок картона с надписью. Он вытащил этот «плакат», прижатый к стеклу воткнутой в приборную панель отвёрткой. В лицо

ударил поток воздуха.

– Э-э! Там дырка в стекле! Тут всё предусмотрено!.. – хозяин машины недовольно попытался пресечь самоуправство пассажира.

– Зато теперь прохладно и дорогу видно. – Пашка удобнее расположился в кресле, рассматривая надпись на картоне.

– И так все окна открыты! А-а, ладно, как хочешь! – махнул он рукой.

В нижнем правом углу лобового стекла, прямо напротив Пашки, зияла дыра с крупный грецкий орех. От неё разбежались трещины, как от солнца лучи. В отверстие действительно прилично сквозило.

– Камень словил на встрече из-под КАМАЗа, – опередил вопрос водитель. – Менять не хотят, мол, нету. Врут!..

Пашка сочувственно кивнул. Затем улыбнулся и щёлкнул пальцем по картонке:

– Хм, остроумно – «Последняя Лошадь»! – он аккуратно засунул «рекламную вывеску» за отворот солнечного козырька и впервые внимательно посмотрел на сидевшего за рулём. Тот был явным оригиналом.

– А то! – таксист гордо поднял подбородок. – Сидел бы ты сейчас на вокзале, ждал первого утреннего автобуса, как Робинзон Крузо Пятницу после дождика в четверг! А тут – я, как ангел с небес, со своей «Последней Лошадью»!

– А может название такое потому, что в твоей развалюхе осталась всего одна лошадиная сила? – Пашка не упустил

случая пройтись по «живому», намекая на скорость, с которой они тащились. Шофёр ухмыльнулся, сверкнул фиксой на переднем зубе и прибавил газу.

Минут пять ехали молча. Таксист включил ближний свет. Виднее не стало. Настоящей ночной темноты по-прежнему не было. Небо светилось прощальной полоской заката, всё ещё цепляясь за уходящий день. «Волга» тянула монотонную песню и катила по неширокой пустующей дороге. Встречных машин не было.

Водитель поправил кепку на панели и вновь заговорил, словно продолжая начатый разговор:

– Мне нравится бывать на вокзале в такие часы. Никто больше туда ездить не хочет – пассажиров-то раз-два и обчёлся. В это время всего один проходящий. Я туда приезжаю за тишиной. Соловьи поют, черёмухой пахнет, сиренью. Сейчас, правда, уже почти всё отцвело, но красоты меньше не стало. Главное – нет людей...

– А как же заработок, план? – Пашка не ожидал такого откровения от водителя. Устоявшийся стереотип образа таксиста явно рушился.

– Да какой там план, какие заработки вот на этом! – шофёр слегка ударил двумя руками по рулю машины. Помолчал. – Я дорогу люблю...

Пашка украдкой поглядывал на водителя «Последней Лошади», насколько ему позволял вечер и неяркий свет фонарей на придорожных столбах. Шофёр «Волги» был жилист,

поджар, даже несколько худощав. Назвать его привлекательным можно было с натяжкой. Но что-то в нём было такое, что притягивало взгляд. В парне чувствовалась мужская сила и надёжность. Глаза его смотрели жёстко и вызывающе. Нос с заметной горбинкой, хищно изогнутые ноздри и волевой подбородок говорили о решительности характера. Светлые длинные волосы, откиннутые назад, открывали скошенный лоб. Одна из бровей таксиста была повреждена. Шрам переломил её в середине углом. От этого одна из сторон его лица смотрела на собеседника как бы слегка удивлённо и иронично. В том, как парень держался, чувствовалась подчеркнутая бравада и привычная уверенность в себе. Он напоминал какую-то хищную птицу, всё время рвущуюся в полёт. Лёгкая сутулость, жёсткая складка у рта, постоянно играющие желваки на скулах и пристальный взгляд серых глаз создавали некоторую агрессивную угрюмость, которая никак не вязалась со словами законченного романтика.

– Брошу я эту работу. Не моё это... – заговорил таксист, задумчиво глядя на дорогу. – К геологам подамся или на северá. Мир хочу посмотреть. Себя в настоящем деле проверить. Вот так, циркач!

Пашку словно кольнули.

– Так не говорят. Это для нас, как оскорбление!

– А-а, ну, извини! А как говорят?

– Артисты цирка или – цирковые. Циркачами мы назывались до революции, ну, может, ещё немного, чуть позже.

Безграмотные были, нищие. «Бабы, снимай бельё – циркачи приехали!» – вот так встречали нас лет семьдесят тому назад. Теперь всё изменилось...

– Значит, вы теперь все образованные и богатые? – с сомнением посмотрел шофёр на Пашку Жарких.

– Хм, да уж... – ушёл от ответа «циркач».

– А что у вас ещё не говорят?

– Не говорят «последнее» или «последний». Заканчивая гастроль, цирковые никогда не скажут: «последнее представление». Или – «последний раз». Так что «Последняя Лошадь» – название классное, но не для цирка.

– Блин, что же у вас тогда можно говорить? – начал заводиться шофёр, уязвлённый неподходящим названием его такси.

– Остальное всё можно! – улыбаясь, примирительно сказал Пашка. И добавил уже серьёзно: – Понимаешь, цирк – такая штука, где в любой момент всё может оказаться «последним разом». Вот и стараются не говорить то, что может накликать беду.

– Ну и как вы обходитесь без этих слов? – водитель повернул голову в сторону Пашки, забыв про дорогу.

– Э-э! Ты вперёд смотри, а то как раз будет нам – «Последняя Лошадь»! – Пашка занервничал, видя, как машина направилась к обочине. – Ну, заменяют эти слова на похожие по смыслу, скажем, «ещё раз» или «ещё одно». Как-то так...

Несколько минут ехали молча, каждый думая о своём.

Неожиданно таксист начал громко хохотать, стуча по ба-
ранке. Пашка вздрогнул, потом тоже стал тихонько посмеи-
ваться, заражаясь от напавшего на водителя приступа ржача.

– Нет, я не могу! Это... Это что ж получается! У меня те-
перь значит – «Ещё́разная Лошадь»? Ну вы цирковые-цир-
качи даёте! Мозги снесли за минуту!.. Не «Последняя» –
«Ещё́разная»!..

Шофёр хохотал в голос, смахивая слёзы и сверкая сталь-
ной фиксой. Ему вторил Пашка Жарких. Они то и дело по-
вторяли: «Ещё... Ещё́разная Лошадь»!..

Вдруг таксист прервал смех и посерьёзней.

– Ну, всё, посмеялись. Сейчас будет ещё веселее...

В сумраке вечера дорога пошла круто в гору. По правую
руку зиял заброшенный карьер. По левую – высокая насыпь,
словно горная вершина.

– Ну, «Ещё́разная», давай!

«Волга» тянула, как могла, завывая, словно шла на взлёт.
Скорость заметно падала. – Не осилит «коняга», будешь тол-
кать!..

Пашка внутренне усмехнулся такой перспективе: «Кто ко-
го везёт?...»

– Тут дорога проходит по самому краю карьера, – пытаюсь
перекричать вой мотора, рассказывал водитель. – Лет пять
назад туда на спуске две фуры с прицепами улетели. Да и
других «приключений» ежегодно хватает. Особенно «весело»
тут зимой... Теперь вот новую дорогу достраивают в об-

ход этой горы и карьера. Там уже начали ездить, но пока пользуемся и этой. Зовём её – «дорога в рай»...

Машина медленно, с натугой шла на подъём, проехав мимо самодельного обелиска с запылёнными бумажными цветами и автомобильным рулём.

Крутой поворот открыл вид на город. Обочина дороги резко обрывалась в карьер, дна которого в сумерках не было видно.

– Метров тридцать-сорок, не меньше! – невольно поёжилась Пашка, вспомнив историю с грузовиками.

– Карьер этот теперь почти в центре города оказался, – продолжал рассказ таксист. – А город наш – вот он, что твоя Москва, на семи холмах. Сам-то откуда?

Пашка ничего не имел против Москвы – она ему нравилась! Он даже полюбил её за время учёбы в цирковом училище, но неожиданно для самого себя приврал:

– Я питерский.

– О! Город Ленина! – шофёр показал свою осведомлённость.

– Скорее – город Петра, – восстановил историческую справедливость Пашка.

Он соврал, потому что хотел избежать расспросов и тяжёлых воспоминаний о своём настоящем городе детства. «Циркач» родился и вырос всего в каких-то ста пятидесяти километрах от места, куда он сегодня приехал. По сути, они были земляками. Но его враньё сейчас ударило с другой стороны!

Оно тут же напомнило ему о недавних событиях – о разбившемся семейном корабле в городе, к которому он себя причислил...

Таксист не заметил нахмурившегося лица пассажира и продолжал:

– Поговаривают, что хотят сделать из карьера пруд, рыбу развести, а вокруг парк разбить. Это будет, наверное самый глубокий пруд в мире! А пока, видишь, испоганили место. Теперь в другом месте роют. Вокруг скоро будут одни карьеры с прудами и «золотыми рыбками», жить станет негде...

– А чего роют-то?

– Здрасьте!.. Ты хоть знаешь, куда приехал-то? Наверное, удивился – чего это город наш так называется?

Пашка пожал плечами. Название действительно смутило его ещё в телеграмме, которую он получил из Главка накануне. Там сухо, в несколько строк, указывалось, что, мол, вы, жонглёр Павел Жарких, направляетесь в летний передвижной цирк «Дружба» в город «N» (со странным названием, имеющим отношение скорее к поцелуям, нежели к проживанию), начало гастролей – тогда-то...

Такого города он не знал. Догадывался по расположению – где-то в бывших родных местах Черноземья.

– ...Название нашего города произошло от фамилии известного геолога. Здесь он нашёл руду. Слышал – магнитная аномалия? Так вот здесь – её центр. Тут железа добывают, наверное, больше чем во всех других местах, вместе взятых.

Вот и живём теперь во всём этом... – то ли с гордостью, то ли с сожалением закончил свои объяснения таксист. Он взял с торпедо машины свою любимую кепку, резко накинул её на голову и дёрнул за козырёк. Дважды выжал сцепление, с лёгким скрежетом переключил скорость и сам себе прокомментировал:

– Синхронизатор, блин! Достал!.. – и, играя желваками, замолчал.

Вдалеке мерцали городские огни. Они переливались новогодней гирляндой, раскинувшись вверх и вниз. Было красиво и как-то необъяснимо тревожно...

– Новостройки, современный район! – словно угадав мысли пассажира, кивнул водитель – Туда нам и надо.

Наконец дорога начала уходить от опасного обрыва. «Волга», напрягая силы, упорно двигалась к концу подъёма. Последние метры она преодолела, казалось, на пределе своих возможностей.

– Ну, вот и всё! Молодец, старуха! – хлопнул по баранке довольный водитель и вновь сверкнул фиксой. – Отсюда до твоего цирка рукой подать.

Машина перестала надрывно реветь и трястись. Вдруг она зачихала, задёргалась, пробежала с десятков метров и безжизненно стала. Её фары тускло светили на пустынную дорогу.

– Да-а, перехвалил... – почесал затылок таксист, виновато посмотрев на пассажира. – Семечек хочешь?

– Укатали Сивку крутые горки! – Пашка вздохнул. – От-

крывай капот, семечки!..

– Сами с усами, знаем, что не багажник!..

Хозяин «Последней Лошади» долго проверял контакты, свечи. Иногда просил пассажира заводить машину. Сам вращал ключом в замке зажигания, сплёвывал и тихо матерился. Подкапотная лампа освещала его озабоченный профиль. Причина поломки не отыскивалась.

На небе появились первые звёзды. Ночь тихо и безучастно наблюдала за путниками. Пашка вышел из машины, залез на пригорок и посмотрел вдаль.

Ветер приносил с собой знакомый с детства запах полыни, донника, распаренного за день и высушенного солнцем сена и ещё какой-то волнующий аромат начала лета. Где-то вдалеке, на излучине мерцающей реки, трещала моторная лодка.

– Как в деревне на косогоре, близ Дона... – подумал Пашка и потянулся за сигаретой. Курил он редко, скорее для форса, дав себе твёрдое слово в этом гастрольном городе бросить совсем – на манеже, в работе, иногда «дыхалки» не хватало.

Воспоминания, которые он постоянно гнал от себя, спрятав их в самый дальний потаённый уголок, вдруг вырвались на волю, накатили, давя на сердце и горло. Калейдоскоп прошлого закружился галопом цирковой лошади. Вспомнилось воронежское детство, побег из дома, встреча с Захарычем. Смерть последнего родного человека – спившейся вконец

тётки. Пашкины постоянные приезды к Валентине в её гастрольные города, ещё когда он учился в цирковом училище, её приезды к нему. Честно заработанный «красный» диплом, отрепетированный сольный жонглёрский номер и почти два года семейной жизни, где мёд горчил, а лекарства были ядом.

Вместе с сигаретным дымом у Пашки вырвался наружу невольный стон от ноющей, не проходящей боли. Всё произошло одной секундой, полоснув по сердцу и оставив кровоточащий след, как только что вспоровшая небо падающая звезда...

Таксист всё возился с машиной, проклиная «Последнюю Лошадь» и всех лошадей на свете, запряжённых в железную повозку под названием автомобиль. На свет лампочки под капотом, прилетела мошкара, которая досаждала шофёру ещё больше, чем таинственная неполадка.

– Дыми сюда, циркист, а то сожрут! – шофёр был доволен своей шуткой. Лихо переделанное слово напоминало ему знакомое – «таксист».

Пашка пропустил мимо ушей каламбур, который остался без аплодисментов. Реплика шофёра тем не менее отвлекла его от терзающих воспоминаний.

Пуская струю дыма на мошкару, он вдруг заметил, что центральный провод трамблёра как-то странно торчит. Достронувшись до него, «циркист» понял причину поломки.

– Садись, заводи...

– ?!..

– Садись, тебе говорю, «погонщик лошадей»! – У Пашки была природная реакция на слово. «Поздним зажиганием» он никогда не страдал. «Циркист» тоже не осталось без внимания. – Садись, фокус покажу. Заводи!..

Машина немного покапризничала и завелась.

– Ну, ты даёшь! – восхищённо взглянул на своего пассажира таксист. – Что там было? – его повреждённая бровь собралась гармошкой. Он вытирал руки о тряпку, извлечённую из «бардачка».

– Кио секретов не выдаёт! – Пашка решил сохранить в тайне «серьёзность» поломки. Его авторитет резко возрос в глазах владельца «Последней Лошади».

Дальше ехали без приключений. Вскоре шофёр объявил:

– Ну, вот ты и «дома». А мне ещё «скакать» километра три до таксопарка.

Слева высилась усечённая пирамида цирка-шапито, спящего в ночи. Лёгкие порывы налетающего ветра шевелили брезент, который, словно волна в море, вздыхал и успокаивался. Цирк окружала металлическая изгородь, к которой прилепились вагончики с тёмными окнами. День кончился. Артисты теперь кто в гостиницах, кто на съёмных квартирах – обычная гастрольная жизнь...

Таксист выключил счётчик и помог вытащить из салона вещи. Пашка протянул купюру.

– О! У меня нет сдачи!

– Не надо. Это тебе за экскурсию – когда ещё так незабываемо поездишь! Ну, и на «сено»...

– Какое сено? – не понял таксист.

– Для твоей «лошади», – кивнул Пашка на авто.

– Остряк-самоучка! – беззлобно огрызнулся шофёр. – Слушай, а у вас в цирке лошади есть?

Пашка утвердительно кивнул и невольно улыбнулся, вспомнив о самых дорогих ему людях, ради которых он сюда и приехал: о Захарыче, Свете Ивановой и их конном номере. Водитель о чём-то подумал и спросил:

– А если я к тебе как-нибудь забегу, коняшек покажешь?

Пашка, продолжая улыбаться, ещё раз кивнул.

– А как тебя найти? – бровь таксиста приподнялась сломанным треугольником.

– Спросишь жонглёра Пашку Жарких. Ну, или Пашку Жару...

Дверь такси вновь захлопнулась не с первого раза. Машина рыкнула, обдав плохо сгоревшим бензином. Со скрежетом включилась первая скорость.

– Тебя-то как звать, ковбой? – крикнул Пашка.

Из треска и дребезжания донеслось:

– Венька Грошев! Ну, или Венька Червонец!..

Облако бензина развеялось, подвывающий звук удаляющейся машины постепенно стих.

– Хм, «Последняя Лошадь»... – вспомнил Пашка и, подняв сумку с чемоданом, толкнул незапертую калитку ограды

цирка.

Глава вторая

Молодой перспективный жонглёр Пашка Жарких остановился посреди тёмного двора передвижного цирка-шапито, на мачтах которого, по дуге, фанерными буквами было написано «Дружба». Приезжий всматривался, пытаясь хоть как-то сориентироваться и решить, что делать дальше. Он разглядывал силуэты разрисованных цирковых вагончиков, которые стояли по периметру, тесно прижавшись друг к другу, образуя букву «П», и старался угадать, в котором из них его Захарыч.

– Ну что ж, «Дружба» так «Дружба»! Интересно, есть кто живой? С кем «дружить-то»?..

В дальнем углу светилось окошко. Это был единственный приветливый огонёк в молчаливом тёмном царстве спящего цирка. Где-то всхрапывали лошади, постукивая копытами по деревянному полу денников. Нет-нет, повизгивали потревоженные посторонними звуками дрессированные пуделя. Порывивали громко сопящие во сне медведи.

Вдруг залаяла собака, почуяв непрошеного гостя. В проёме циркового вагончика на шум появилась фигура.

– Кто тут? – нарочито строго прозвучал характерный, с лёгкой хрипотцой, знакомый голос.

– Никита Захарович Стрельцов тут проживает? Ночной конюх нужен? Принимай на постой!..

– Пашка! Сынок! Ты, что ли? – в возгласе Захарыча было столько отцовской радости и приветливости, словно они расстались не месяца назад, а не виделись минимум, пару лет. – Я-то тебя ждал под премьеру, дня через два. А ты – вот он! Радость-то какая!

Собака Захарыча, Варька, облизала Пашку с ног до головы, повизгивая от восторга и виляя хвостом.

– Ну, всё, угомонись! – словно ревнуя, выговаривал ей старик, пытаясь поднять Пашкин чемодан.

– Не-е, Захарыч, это не твой вес, я сам. А где мой вагончик?

– Миркин, ну ты его помнишь – инспектор манежа, чего-то там распределял, но я не в курсе. Мне он дал вот этот – под шорную и жильё. Заодно сторожу цирк. Обещали даже чего-то там заплатить. Насчёт твоего – завтра утром у него узнаем. А пока пойдём чай пить, заодно повечеришь! С ночёвкой что-нибудь придумаем.

Пашка бросил у входа свои вещи и шагнул внутрь. Его обдало давно знакомым, почти родным запахом сыромятной кожи и конского духа. Варька покрутилась около людей, успокоилась, увидев, что никто никуда не уходит, лизнула ещё раз Пашку в лицо и пошла проверять территорию ночного цирка...

Пужинав, чем бог послал, узнав последние новости, Пашка сообщил Захарычу, что спать сегодня будет прямо на

манеже. Стрельцов улыбнулся и покачал головой: «Ну-ну!...» За свою долгую жизнь в цирке ему это приходилось делать не раз, и не всегда из-за любви к романтике...

– Мой надувной матрац возьми, когда ещё свой распакуешь!

– А ты? На своём походном сундуке все кости сломаешь!..

– За столько лет не сломал же! Зато радикулита никогда не было. Тулуп постелю. Чего ему зря до зимы пылиться. Пусть теперь летом послужит...

...Пашка, насколько позволяло зрение, осмотрел брезентовую закулисную часть передвижного цирка-шапито, где разместились и конюшня, и медвежатник, и собачник, и место для рабочего реквизита, и небольшая площадка для разминки артистов перед выходом на манеж. Здесь всё расположилось рационально, максимально удобно и безопасно для людей в соседстве с животными. Сейчас закулисы освещали две неяркие дежурные лампочки. В их тусклом свете через распахнутый занавес едва был виден зрительный зал и манеж. Всё это цирковое пространство шевелилось ночными призраками, теньями, постанывало и поскрипывало...

Пашка бросил прорезиненный матрац в центре манежа и лёг на него не раздеваясь. Спать оставалось всего несколько часов. В семь утра, как водится, кто-нибудь придёт репетировать с животными.

Пахло сосновыми опилками, стойким запахом циркового

зверья. Пахло чем-то непередаваемым, как может пахнуть только цирк. Этот запах однажды входит в сознание цирковых и уже не покидает до конца дней...

Под куполом, едва различимо, покачивалась обмотанная фалом усмирённая до определённого часа трапеция. С ней, поблескивая никелем, заигрывали мосты канатоходцев. Верёвочная лестница, словно бдительная патронесса, делила по диагонали пространство, пресекая всякие ночные вольности. Под куполом продолжалась невидимая простому человеческому глазу жизнь. Сам шапито, словно гигантские лёгкие цирка, под несильными порывами ветра то сдержанно вздыхал, беспокоя купол, то на время затихал, провисая парусом до следующего вздоха...

Пришла Варька. Облизала Пашке руки, лицо и, покрутившись волчком, легла, прижалась лохматым боком, обдав жаром. Ночь стояла тёплая. Пашка смотрел в сумрак циркового поднебесья, заложив руку за голову. Было как-то безмятежно спокойно, умиротворённо и по-домашнему уютно. Впервые за долгое время его ничего не угнетало, словно многолетняя затяжная хворь то ли наконец-то оставила его в добром здравии, то ли окончательно погубила...

Мысли Пашки летали в неземных сферах. Яркие картины прошлой жизни мелькали всполохами зарниц, отсветами потухших пожарищ, взрывами снарядов и трассирующих пуль. Всё, что произошло за последние пять лет, выстроилось в цепочку воспоминаний. Он будто смотрел на ночном сеансе

кино то ли про себя, то ли про какого-то Пашку Жарких...

Глава третья

Спецборт Ил-76 приземлился в одном из аэропортов Москвы. Его загнали на самую дальнюю стоянку. Подъехал автобус, и вышедших из самолёта повезли в терминал. У этого сектора встречающих было немного. Стоял расширенный военный патруль и ещё какие-то люди в гражданке. Прилетевшие пассажиры были странными. Многие из них были крепко не трезвы. К ним подходили, задавали вопросы и, разбив на группы, сопровождали дальше. Всё проходило неторопливо, негромко...

В этой компании был и Пашка Жарких. Накануне ему удалось дать телеграмму. Его встречала Валентина и её отец Виктор Петрович.

Они радостно обнялись и проследовали к машине. У тротуара стояла новенькая белая «Волга» Виктора Петровича. Чемодан положили в багажник, отец сел за руль, а Валентина с Пашкой на заднее сиденье.

Они прижались друг к другу, словно после долгой разлуки хотели согреться. Валя взяла Пашкину горячую руку в свою, положила голову на его плечо и замерла. Ехали молча. Машина уютно пахла кожаным салоном, мягко урчала и тихо покачивала.

Переписывались они с Пашкой только последние полгода. Прослужив первый год, он написал ей гневное письмо по по-

воду её измены. Когда это случилось, она приехала к нему по месту службы, чтобы объяснить, но от встречи с ней он отказался и потом куда-то исчез. Она его долго разыскивала, но ей ответили, что гвардии рядовой Павел Жарких переведён в другую часть в другой военный округ. И всё, концы в воду...

Валентина приложила невероятные усилия, включила всё своё обаяние, чтобы через военкома одного из райвоенкоматов Москвы, к которому были приписаны все артисты «Союзгосцирка», узнать, где её Пашка.

– Он отправлен в строевые части на самые южные рубежи нашей Родины. Это всё, что могу сказать.

– Что такое строевые части? Они там строят что-то? Или строем ходят?

Комиссар хмыкнув, улыбнулся.

– Ну, типа того. И строем ходят, и строят... – потом тихо добавил, как бы для себя, роясь в блокноте. – Всех подряд...

– А как ему написать?

– Письма туда идут долго. Вот номер войскового подразделения. Пишите туда, перешлют... Больше ничем помочь не могу. Всего доброго!..

Они списались. Объяснились. От него пришло несколько писем. В конце концов, Пашка ей всё простил... Писал, что они тут сажают цветы, охраняют объекты, маршируют – ничего особенного...

Он сидел в машине какой-то отстранённый и чужой.

– Загорел-то как! – Валентина провела по щеке Пашки ладонью. Возмужал! Ты у меня теперь настоящий мужчина! Воин!..

Глаза Пашки были какими-то невероятно уставшими и напряжёнными, словно он всё время куда-то всматривался. По краям глаз пролегли незнакомые доселе складки, особенно выделяющиеся на фоне его плотного загара.

– Ой, Пашка, у тебя старческие морщины! – Валентина нежно попыталась их разгладить. – Откуда?

– Это от обилия солнца. Ну и... много смеялся, – он попытался улыбнуться.

Виктор Петрович, не отрываясь от дороги, вклинился в разговор:

– В каком месте служил, если не секрет?

– Под Душанбе.

Потом, подумав, скорректировал адрес:

– Точнее, под Термезом.

– Пяндж?

Пашка кивнул. Виктор Петрович внимательно следил за дорогой и поглядывал на своего пассажира через зеркало заднего вида. Пашка видел серьёзные сосредоточенные глаза Виктора Петровича. Через паузу тот спросил ещё:

– На каком берегу – левом, правом?..

Пашка помедлил, как бы не решаясь, потом тихо ответил:

– На обоих...

Валентина радостно рассказывала последние цирковые

новости, не выпуская Пашку из объятий. Тот сидел, улыбался, но присутствовал, видимо, не весь...

Виктор Петрович негромко включил приёмник. Полилась красивая мелодия.

– Устал? Как себя чувствуешь, хороший мой? – Валентина провела по животу Пашки. – Похудел! Вас там что, не кормили?

– Я в форму входил, пресс качал, мышцы.

– Ну, это я чувствую – подрос, подрос! Бицепсы-трицепсы! Есть за что подержаться... – Валентина ослепительно улыбнулась и многозначительно посмотрела на Пашку. – Желания есть? Чего хочешь, мой долгожданный?

– Спать. И репетировать. Руки тоскуют!

– И всё? А-а... – Валентина поиграла глазами и, приподняв одну бровь, озвучила вопрос междометием, который вишнёвой помадой цвёл у неё на губах: – Мм-м?..

– Ну-у... – так же многозначительно, но смущённо ответил Пашка – само собой!.. – и впервые улыбнулся легко и свободно.

Он, кажется, вернулся...

Через двое суток, как и положено, он явился в военкомат, откуда его и призывали. Новый военком встретил лично.

– Ну, что, боец! С возвращением. Посмотрел твою учётную карточку. Хм, молодец – «За б. з.» имеешь! Неплохо, неплохо. Я свою «За боевые заслуги» в Анголе получил. Ну,

ты, надеюсь, понимаешь, сынок, об этом пока рассказывать не стоит. С особым отделом, думаю, перед дембелем общался? – Пашка кивнул. – Ну и ладушки!.. Теперь будем жить у бабушки... Перестраивайся на мирную жизнь и поскорее постарайся всё забыть. Если получится...

Пашка съездил домой в Воронеж. Проведал тётку. Метнулся в Москву в Главк. Восстановился в прежней должности, с которой он был уволен перед армией, и снова поехал служащим по уходу за животными к Захарычу. От Стрельцова как раз ушли очередные случайные помощники.

Пашка с жадностью работал за двоих. Не слезал с лошадей у джигитов. Два месяца он ненасытно жонглировал, навёрстывал упущенное за последний год, где возможность репетировать была не такой частой, как хотелось.

Пашка не мог надышаться воздухом цирка! Он по-настоящему вернулся!..

Как-то в телефонном разговоре он поведал Валентине о своей мечте учиться в цирковом училище. Виктор Петрович воспользовался связями. Сходил в ГУЦЭИ, поговорил с директором, намекнул, где служил Пашка, и в конце августа парня вызвали на просмотр...

Ещё недавний солдат вышел на учебный манеж в самостоятельном костюме, в котором когда-то появлялся на сцене дома офицеров на концертах. Разложил на барьере кольца, булавы, мячи. Перед ним сидели директор циркового училища

Волошин Александр Маркиянович, педагог по жонглированию Фирс Петрович Земцев, Виктор Петрович с Валентиной и ещё пара преподавателей. Пашка старательно, немного зажимаясь, показал всё, на что был способен. Повисла долгая пауза. Валентина поглядывала на Пашку, тот на неё. Вместе они пытались угадать мысли импровизированной экзаменационной комиссии. Фирс смотрел себе под ноги, Волошин жевал губами, остальные имели свои суждения, но ждали приговора.

Наконец Александр Маркиянович в свойственной ему ироничной манере скрипуче заговорил.

– Ну, что, маршал! – он обратился к Земцеву, намного преувеличивая его воинское звание, полученное в Великую Отечественную, но подчёркивая авторитет в мире цирка. – Я-то молчу, ладно. Ты что скажешь?

Фирс Петрович словно очнулся, подняв голову.

– А что тут говорить! Чему я могу его научить? Ему впору учить меня. Школа есть, трюков на троих хватит. Ну, разве что технику чуть подправить. А так – давайте диплом и на манеж!

– Диплом дадим. Со временем... Ты, думаю, понимаешь, – Волошин обратился к Пашке. – Приёмные экзамены закончились ещё в начале июля. Послезавтра уже первое сентября, начало учебного года. Тебе повезло – один из поступивших забрал документы, место освободилось. Так что начинай учиться. В процессе сдавай, что там у нас положено: со-

чинение, историю, иностранный язык, – и вперёд. На каком иностранном разговариваешь?

– На фарси немного...

– А он ещё и юморист! Фирс! Всё отменяется! Мы его к Майхровской, к Антонине Парфентьевне, на эстрадное, на отделение клоунады определим. Там такие нужны!

Пашка перепугался, что сболтнул лишнее и всё испортил!

– Не надо на эстрадное! Хочу на цирковое!..

Все невольно рассмеялись, видя Пашкин испуг.

– Не отдадим, не отдадим. У нас тут своих клоунов тоже хватает! – на вечно строгом лице Земцева появилось подобие улыбки. Волошин подытожил.

– Значит так! Четыре года тебе, тем более как армейцу, здесь делать нечего! Профессиональная подготовка у тебя крепкая. Но всё равно учиться придётся серьёзно и загруженно. Фирс Петрович теперь твой режиссёр и курсовой. Чтобы получить диплом, надо будет создать номер и пройти все предметы, которые здесь преподают. Два года хватит. Первый-второй курс отучишься за год, потом – третий-четвёртый так же, и выпуск. Только без хвостов и баловства! Всё понял?

Пашка радостно закивал. Он ещё толком не мог осознать, что его давнишняя тайная мечта вот так просто и легко только что осуществилась.

Глава четвёртая

Пашка сидел на ковре манежа и, обняв колени, смотрел в одну точку. Репетиция не клеилась. Сегодня ночь прошла практически без сна. Вместо этого было какое-то муторное забытьё. Грезилась армия. Пашку почему-то снова призывали, он доказывал, что уже служил, но ему объясняли, что он не дослужил и надо ещё год. Он просыпался в кошмаре, снова проваливался в эти тягостные мутные видения, где взрывы и стрельба плющили мозг, заставляли сбрасывать на пол студенческое одеяло.

Сосед по комнате общежития Андрей Щеглов испуганно разбудил Пашку Жарких:

– Э-э! Ты не заболел? Чего мычишь, взбрыкиваешь? Орёшь тут! Сальто-мортале, что ли, крутишь?

– А?... Да... Репетирую... – вернувшись в реальность, облегчённо выдохнул Пашка. – Это... арабское не получается, не докручиваю...

– А-а... – с пониманием протянул Андрей. Среди студентов, которые вкалывали на манежах циркового училища до изнеможения, не редкость были подобные «пируэты» во сне. Дневные репетиции плавно переключёвывали в ночные сновидения.

– А что такое это, как её – «дас-бар-дор»? – Щеглов по слогам повторил то, что Пашка за ночь выкрикнул не один

десяток раз. Тот дёрнулся от неожиданности.

– А ты откуда это знаешь?

– Да ты достал меня сегодня этим «дасбардором»! Так чего это значит?

– Руки вверх! Ну, или – подними руки! – Пашка хотел побыстрее прекратить этот неприятный для него разговор.

– Это на каком таком языке?

– На... азиатском. Ладно, давай досыпать. Выключай свет. Хопкун! Тьфу ты – ложись!..

...Он сидел среди разбросанных булав и колец. Сегодня не хотелось даже шевелиться. Ночная подработка на «Правде» в цехе экспедиции грузчиком, где газеты сортировались, укладывались в почтовые машины, а потом развозились по области, ежедневные репетиции, постоянные недоедания выкачали из двадцатилетнего молодого тела последние силы. Тут ещё эти сны... Депрессия навалилась, сковав руки.

– Правильно, бестолковый, сиди – само придёт! – на учебном манеже появился Земцев.

Пашка нехотя встал. Его слегка пошатывало. Бледность и осунувшееся лицо ученика не ускользнули от внимательных глаз старого мастера.

– Иди-ка сюда! Опять ночная смена? Надо завязывать с этим, тебя так надолго не хватит. М-да-а... – сочувственно вздохнул Пашкин руководитель, понимая, почему многие

студенты искали себе подработки. – Стипендия у нас в училище – что та кума из Магадана, которой замуж поздно, а сдохнуть рано...

Пашка слабо улыбнулся. Фирс Петрович всегда находил яркие образные сравнения к ситуациям. Запас его метафор не ведал дна. Говорил он мало, но всегда ёмко и точно. Некоторые фразы Земцева разлетелись на цитаты.

– Нет, сегодня не работал, отсыпался. Точнее, пробовал...

– Что снилось? – Фирс, как звали его между собой студенты, упёрся тяжёлым взглядом в красные от бессонницы глаза Пашки.

– Да-а, чушь всякая, армия... – Жарких попытался уйти от ответа.

– Понятно... – Земцев опустил голову и опёрся на резную деревянную трость. Он серьёзно хромал. На фронте был трижды тяжело ранен. Под Воронежем, о котором Фирс иногда вспоминал с Пашкой, прикованный немецкий пулемётчик-смертник перебил ему обе ноги. С этими «наградами» в звании капитана он и вернулся с войны в цирк. Потом стал преподавать в училище, подрабатывать на киностудиях страны руководителем каскадёров, сам исполнял трюки. Высокий, худощавый, жилистый, он смело брался за самое рискованное. Закончилось всё на съёмках фильма «Достояние республики». Оборвался канат. Земцев с одним из своих каскадёров сорвались с высоты. Фирс сломал обе ноги, как раз в местах ранений. С тех пор они толком не зажива-

ли, саднили. Бессонница стала постоянной спутницей жизни, как его трость и хромота. Анальгин постоянно лежал в кармане, он то и дело отправлял таблетку под язык даже не запивая. По этой же причине курить, несмотря на строгий запрет для всех, ему негласно разрешалось везде. Его аскетическое лицо с высоким умным лбом было испещрено глубокими морщинами. Впалые щёки постоянно покрывала малозаметная щетина – брился он раз в четыре-пять дней. При разговоре рот Земцева приоткрывал тайну отсутствия многих зубов, разрушенных судьбой и постоянными анальгетиками. Его это смущало. Он каждый день обещал себе заняться здоровьем всерьёз, да как-то всё откладывал.

О том как прошла ночь, можно было судить по его словам при появлении на уроках. Если он, чуть улыбаясь, с лёгкой хрипотцой здоровался: «Привет, мастера!» – значило, что ему удалось поспать. Если звучало: «Привет, турки бестолковые!» – всё как обычно, сна было часа три-четыре, не более. Ну, а уж если слышалось: «Привет, уголовники!» – можно было смело говорить, что Фирс сегодня от боли не сомкнул глаз.

Манера его разговора была особой. Из-под нависших кустистых бровей смотрел он пристально и хмуро, говорил густым баритоном неторопливо, обстоятельно и чуть нараспев. Точнее, это был даже не разговор, а этакое недовольное бурчание.

За всем этим скрывался добрый, отзывчивый и легкора-

нимый человек. Возможно, именно эти свои качества Земцев пытался по какой-то причине скрыть за маской этакого мизантропа.

– Армия, говоришь, снилась! – Фирс приподнял голову и понимающе глянул на своего ученика. Перед ним стоял молодой пацан с бледным худым лицом, которого от нахлынувшей жалости хотелось прижать к груди, приласкать, успокоить, защитить. Земцев из «личного дела» Пашки знал, где тот на самом деле служил, и догадывался, что ему там пришлось пережить. Для остальных же гвардии рядовой Павел Жарких проходил службу в одной из подмосковных мотострелковых дивизий...

– Ну, ну... Она мне тоже до сей поры... Когда ты хоть раз стрелял в живого человека или стреляли в тебя, будет снится это до последних дней... Ладно, чем занимался сегодня, мастер?

Пашка поднял с ковра манежа детский резиновый мяч и попытался его закрутить на указательном пальце. Мяч повихлялся и через несколько оборотов соскользнул с пальца на ковёр.

– Бестолко-овый! Это что за кисть такая! Разверни её от себя, палец чуть подсогни! Ты что, этой парализованной культяпкой зрителей собираешься пугать? Смотри! – Земцев легко подбросил мяч вверх, успел подкрутить его и мягко принял на указательный палец. Мяч завращался весёлым волчком, словно прилипнув к пальцу старого жонглёра. Его

кисть с остальными сложенными пальцами вдруг приобрела изящный вид, словно некий Владыка благословлял свою паству. Земцев легко перебросил вращающийся мяч с руки на руку, чуть подкрутил его, ударяя по глянцевому боку:

– Подай мячик!

Пашка протянул один из теннисных мячей, которыми он оттачивал технику жонглирования. Фирс сверху положил его на вращающийся. Два мяча один на другом пирамидой забалансировали во вращении. Пашка открыл рот от удивления. Земцев легко подбросил мячи вверх, уверенно поймал их и бросил на ковёр.

– Ну, как-то так... А вообще, особо не трать на это время. Мой тебе совет: выбери предметы по душе, лучше кольца, они у тебя неплохо идут, и долби в одну точку – тогда добьёшься результатов. А так будешь, как все...

– Да что из них можно выжать? – Пашка в недоумении поднял плечи.

– Хм! Ты у Игнатова переднюю вертушку на кольцах видел? У Бородавкина есть пару интересных комбинаций, у Канагина! «Что можно выжать?» – Земцев смешно передразнил Пашку. – По этому пути ещё никто толком не ходил. Все только воруют друг у друга придуманное и повторяют как мартышки. А кольца можно бросать не только вертикально, но и профилно, и плоскостями, и во вращении, и ещё хрен знает как только можно. Ты, главное, второй этаж подключи!

– Какой второй этаж?

– Тот, который должен у жонглёра работать всегда! – Земцев выразительно постучал себе по лбу указательным пальцем.

– Фирс Петрович! Так ведь и у меня своруют! Обидно будет!

– Ты, турок бестолковый, сначала придумай, а уж потом обижайся! А чтобы этого не было, запомни – трюки надо делать такие, чтобы их никто не смог...

Последнее, не печатное слово Земцев произнёс так, что Пашка скорее о нём догадался, чем услышал. – Чего у тебя там дальше по занятиям?

– Акробатика, проволока, история цирка и мастерство актёра у Федосовой.

– Значит так! Сейчас марш в столовую, а потом спать! С преподавателями я договорюсь. Держи рупь, станешь артистом – вернёшь. И без разговоров! – Фирс угрожающе нахмурил брови на протестующее движение Пашки, сердито засопел, тяжело встал и, ударяя тростью в пол, похромал с манежа в учительскую. На барьере манежа осталась лежать светло-коричневая рублёвая купюра...

Глава пятая

Четверокурсница Нателла Серебровская, кареглазая смуглянка с волнистыми чёрными волосами, выходила на учебный манеж с тамбурином. Трое её партнёров по номеру «Цыганская рапсодия» в стилизованных костюмах как бы сидели у костра, изображая картинку из жизни табора. Миниатюра раскрывала характер и режиссёрский замысел номера акробатов-вольтижёров, руководителем которого была сама Нателла.

В ней, как в ребёнке из цирковой династии, соединилась масса кровей, начиная от итальянской, кавказской и заканчивая цыганской. Это была пышногрудая красавица невысокого роста с огненным взглядом и необузданным темпераментом. Как вольтижёр она была превосходно обучена, и равных ей в училище не было. Номер за время просмотров обкатался, и оставалось только получить диплом.

Нателла была невеста с «приданным» – её отчим работал начальником одного из отделов «Союзгосцирка». Это, видимо, и решило судьбу «Цыганской рапсодии». Педагоги дальновидно назначили Серебровскую руководителем...

Нателла была влюблена в Пашку без памяти. Второй год она отчаянно вела на него охоту. То и дело норовила попасться на глаза, заговорить о пустяке, лишь бы быть в поле его внимания. Над Пашкой подшучивали, из-за отчима

Нателлы называли «карьеристом». Иными словами, в цирковом мире это не осталось без внимания.

Пашка относился к Нателле, как к своей сокурснице, внимательно и уважительно, но не более того. Он видел и понимал, что созревшая совершеннолетняя девушка готова с ним поделиться своей любовью, но сердце Жары было давно и плотно занято...

Звал он Нателлу не иначе как «Светлячок» или «Кузнецик». Та сияла от счастья. Однажды спросила, почему так её называет. Пашка ответил, что Нателла в переводе с грузинского означает светлячок.

Когда Нателла совсем доставала Пашку своими приглашениями в театр, кино или в гости домой в московскую квартиру, он начинал её сватать, называя имена каких-нибудь записных красавцев сокурсников. Та мотала головой.

– Моё сердце навсегда принадлежит другому!.. – произносила она томно, многозначительно глядя на Пашку. Тот свое временно отводил взгляд, и стрелы Амура пролетали мимо. «Хорошо, что она ещё не в общаге живёт, тогда вообще хоть вешайся!..» – думал Пашка, в который раз уходя от ненужной ему темы.

В свою очередь в Серебровскую был влюблён один из её партнёров – Игорь Васин. Тот видел происходящее, обидчиво сопел и периодически переставал здороваться с Пашкой. Жару ситуация невольно раздражала, он про себя хмыкал: «Детский сад!..»

Игорь, пытаясь переиграть соперника, оказывал всяческие знаки внимания Нателле: занимал места в студенческой столовой, приносил конспекты по разным предметам, каждый раз подметал место на ковре манежа, чтобы его партнёрша могла размяться перед репетицией. По праздникам дарил цветы. Протягивая букеты, молча отводил глаза. Крепко сложенный, физически развитый, не улыбочивый, с суровым жёстким взглядом, при виде Нателлы он робел и таял, словно стеариновая свеча. Глаза его становились «телячьими», с поволокой. Уголки губ трепетали и сами собой растягивались в некое подобие улыбки. Репетировал он с партнёрами и Серебровской самозабвенно, вкладывая всю свою душу и физическую мощь в номер. Принимая Нателлу на сход после очередного трюка, он сознательно на мгновение задерживал её в своих объятиях. Она не очень возражала, но постоянно, со смехом, над этим подшучивала.

К Серебровской многие подкатывали. Васин был начеку и быстро отшивал конкурентов. Нателла реагировала скандалами, напоминая, что он всего лишь партнёр по номеру, а не муж. Она свободная женщина и вольна распоряжаться своей судьбой без его опеки. Игорь молча выслушивал, вздыхал и терпеливо продолжал гнуть свою линию.

Драматургия номера «Цыганская рапсодия» подразумевала наличие страсти и изображение партнёрами сцен ревности на манеже. Эмоции Васина готовы были выплеснуться и на околومانежную жизнь. Видя тягу Нателлы к Жаре,

Игорь тихо страдал. Павел уже отслужил в армии, а Васину только предстояло пройти «суровую школу мужества», поэтому он относился к Пашке несколько настороженно, как ко взрослому.

Однажды он рискнул с Жарких поговорить «по-мужски». Как только Васин фамиллярно положил мускулистую руку на плечо Пашки и было начал: «Жара! Если я ещё раз увижу, что ты с Нателлой...». Закончить он не успел. Пашка армейским приёмом мгновенно заломил руку за спину, двумя пальцами подцепил его ноздри, потянул на себя на разрыв и сказал:

– Вася, отвали! Если ты ещё раз..., то останешься без носа и своей клешни! Я не шучу! Осознал?

Васин натужно прогнусавил:

– Да...

– Не слышу!

– Да-а!..

Жара отёр пальцы о футболку Васи́на, который стоял в оцепенении от неожиданной развязки, и, удаляясь, процедил сквозь сомкнутые зубы: «Сагбача́!» Потом ухмыльнулся и беззлобно, тихо в сторону, перевёл: «Щенок!»

После этого инцидента все вопросы были сняты. «Вася» при встрече кивал «Жаре». Тот с улыбкой отвечал ему дурашливым поклоном в стиле эпохи Людовиков, выставив вперёд ножку и сделав ручкой этакое помахивание шляпой.

Ревность, невольное уважение и мандраж по отношению

к Пашке глубоко спрятались в сердце Васина. Эти чувства там так и жили, пока бывшие студенты не получили дипломы и не разъехались по разнарядкам «Союзгосцирка» уже в ранге профессиональных артистов. Каждый из них с той поры мерил свою цирковую судьбу километрами дорог, меняющимися названиями городов, газетными рецензиями, афишами и исчезающими, как утренний туман, желанными аплодисментами...

Глава шестая

На учебном манеже шла будничная училищная жизнь. Слышались команды педагогов, звучали реплики студентов, отрабатывавших трюки. Без конца падал реквизит у жонглёров, повизгивала в блоках страховочная лонжа у вольтижёров, которые бросали партнёршу из рук в руки.

С оглушительным звоном и грохотом в который раз развалилась шаткая пирамида из железных катушек эквилибриста Серёжки Суслова. Тот, чертыхаясь, поднялся с ковра манежа, потирая ушибленное колено, в отчаянии пнул одну из катушек и тут же схватился за голеностоп.

– Бль... ли-ин!..

– Ты, турок бестолковый, головой попробуй, она крепче, чего ей будет – вы же, эквилибристы, на ней только стоите. С такими нервами надо в кордебалет идти... – Вошедший Земцев поздоровался с Сеничкиным, педагогом Суслова. Тот осуждающе кивал в знак солидарности с Фирсом. Все преподаватели в прошлом были артистами и теперь делали одно дело – растили будущих мастеров.

– Пять катушек пока никак...

– Ничего, докакается...

В «правом углу манежа», как любил шутить Земцев, репетировали его студенты. Он восседал перед ними на стуле, как Наполеон при Ватерлоо, и периодически что-то под-

сказывал, корректировал броски. Напротив него за барьером с прямой спиной сидела Виолетта Николаевна Кисс, представительница старинной цирковой династии с итальянскими корнями, некогда блистательная артистка и теперь такого же уровня педагог. «Примадонна», как подчёркнуто звал её Земцев, сейчас репетировала со своим учеником. Её красивое лицо было непроницаемым, реплики немногочисленны и скупы.

Почти в одно и то же время Виолетта Николаевна и Фирс Петрович выпустили двух выдающихся жонглёров с мировыми именами, которые теперь стали кумирами молодёжи и эталоном жонглирования. Сергей Игнатов представлял жонглёрскую школу Кисс, а Евгений Биляуэр, соответственно – Земцева. Эти жонглёры в открытую конкурировали между собой. Ревностно относились друг к другу и их педагоги. При встрече они сдержанно здоровались и побыстрее старались разойтись. Между ними, как и между их учениками, в худших традициях цирка, дружбы не было...

– Мостовой, добрось! Володя, Егоров, ну ты же не докручиваешь, вот Шишкин и подсаживается. Так, стоп, бестолковые, давайте комбинацию сначала...

Пашка стоял на своём пяточке манежа и, как говорится, упирался рогом. Фирс одобрительно поглядывал в его сторону.

– Неплохо, неплохо, ещё лет триста, и можно выпускать на зрителя...

Рядом пыхтел Колька Тугов, который то и дело наклонялся за падающими предметами. Он пытался бросить пять булав. Корпел над этим вот уже второй месяц.

– Поклоны бить не надоело? – раздражённо бурчал Земцев. – Ты что, бестолковый, свою фамилию оправдываешь? Не позорь династию! Твой дед, знаешь, каким акробатом-эксцентриком был! С ним за счастье считали поработать в одной программе! Дай булавы!

Фирс приподнялся со стула.

– Ты же правую кисть закрываешь, куда булаве лететь, вот они и сталкиваются. Следи за моими руками, на кисти смотри! – Земцев начал жонглировать. Пятёрка булав летала как-то неуверенно, слегка кособоко, ритм был немного неровный, но они не падали.

– О-о! – раздались возгласы и аплодисменты тех, кто в этот час был на манеже.

– Ладно вам... – Земцев хмурился, но в душе, чувствовалось, он был доволен – не опозорился. Колька решил подколоть.

– Вот вы, Фирс Петрович, всё о ритме говорите, а у самого-то азбука Морзе какая-то...

– Ах ты, уголовник! – Земцев снял туфлю и запустил ею в Тугова. – Мне скоро семьдесят! Я последний раз булавы держал в руках лет двадцать тому назад! Морзе ему! Ты сначала нашу азбуку выучи, недоросль! Подай башмак!

Колька боязливо протянул стоптанный ботинок, который,

конечно же, пролетел мимо него.

– Не, ну правда, Фирс Петрович!

– Ты чего, бестолковый, хочешь от меня! Моё время кончилось, я теперь жонглёр-теоретик...

– А какие ещё жонглёры бывают? – Тугов приготовился внимать. Замерли и все остальные.

– Хм, какие?.. Есть хорошие, есть плохие, ну это понятно. Есть, как я уже тебе сказал, жонглёры-теоретики, – он многозначительно посмотрел в сторону Виолетты Николаевны Кисс. – Есть жонглёры-практики. Это те, которые сейчас на манежах трудятся.

– А я кто? – Тугов в ожидании ответа поднял брови.

Реакция старого мастера последовала мгновенно. Земцев никогда за словом в карман не лез.

– Ты?.. – Фирс Петрович пустил струю дыма из раскуренной папиросы, почесал большим пальцем небритый подбородок и постарался подобрать определение точное и максимально деликатное. – Ты, турок-бестолковый, пока жонглёр-проктолог.

Взрослые ребята прыснули. Сеничкин смущённо кашлянул. «Примадонна» укоризненно посмотрела в сторону Земцева и, поджав губы, отвернула лицо: «Опять этот «Прапорщик неотёсанный!» – как она, в свою очередь, называла того за глаза.

Колька Тугов сделал выжидательно-вопросительное лицо. Потом нетерпеливо задал вертевшийся у него на языке во-

прос:

– А это кто?

Земцев, стряхивая пепел, подчёркнуто спокойно пояснил:

– Это те, кто не слушают советов и поэтому жоглируют через ж...у!..

Глава седьмая

Глаза не открывались. Пашка понимал – надо! Но они смыкались сами собой, какие бы усилия он не прикладывал. Накануне удалось поспать всего пару часов, да и то в цеху, на жёстких пачках газет, от которых резко пахло бумагой и типографской краской. Какой уж тут сон, скорее полуголодный обморок...

Сегодня октябрьское утреннее небо было хмурым и мокрым. Под шелест дождя так хорошо спалось на общежитской кровати! Сон водил по векам мягкой кисточкой. Внутри что-то тревожилось – надо вставать! Голова гудела, сновидения тяжёлым клубком металась в мутном забытии.

Надтреснутый зов будильника ещё полчаса тому назад отзвонил побудку и теперь тревожным эхом и мерным тиканьем, в подсознании, отсчитывал минуты опоздания. «Надо встава-ать!...». Пашка свесил ногу в попытке проснуться. Она тут же была укушена прохладой осеннего утра – батареи ещё не включили, и интуитивно нырнула назад под спасительное одеяло. Блаженное тепло убаюкало и распластало молодое тело на казённой простыне общаги. «Так! Фигня! Рота, подъём!!! « Но «рота» никак не хотела шевелиться...

Входная дверь с грохотом отворилась.

– Пашка! Жара! Ты что охренел! Сегодня зачёт по «изо»! Тебе Иля Яковлевна «гуся» влепит, плакала твоя стипендия.

Вставай, блин! Опаздываем на пятнадцать минут! Нельзя отойти ни на минуту! Подъём!.. – в дверном проёме метался Андрюха Щеглов, Пашкин воронежский земляк, с которым они учились на одном курсе, жили в одной комнате и подрабатывали в одном цеху. Тот толком не смыл ещё типографскую краску с рук и был тоже изрядно помят бессонницей.

Пашка с Щегловым поскреблись в дверь аудитории, где уже давно шёл урок по истории изобразительного искусства. Кто-то что-то отвечал, слышались реплики Или Яковлевны Новодворской – старейшего педагога циркового училища. Её уроки обычно проходили бурно, как-то легко, познавательно и обязательно с юмором.

– О-о! На манеже всё те же! – Новодворская радостно всплеснула руками и указала на вошедших. – Ивaнов, «Явление Христа народу»! Проходите, проходите! Заждались! А то у нас тут уже всё заканчивается...

Пока Жарких со Щегловым выбирали себе места, Иля Яковлевна процитировала в их сторону анекдот: «Лучше позже, чем никогда!» – сказал еврей, положи голову на рельсы... когда поезд уже прошёл...»

Постепенно смех в аудитории затих, и она вернулась к теме: «Архитектура древнегреческого Акрополя». Сегодня на уроке собрались две группы: те, кто после армии, и те, кто учились в ГУЦЭИ с четвёртого класса и теперь перешли в восьмой.

– Ну-с, будущие разносчики культуры, так как же называется скульптурная группа на восточном фронто́не Парфенона? Тугов! Ваш выход! Только не говорите мне: «Три Мойши». Уже было... – она иронично приподняла бровь и с намёком выразительно посмотрела в сторону Пашки. Тот в это время что-то шептал Тугову на ухо.

– Жарких, если ты насчёт «мойвы», то это тоже старо! Напомню для особо одарённых, там «ры» на конце.

Тугов, юный коллега Пашки по жонглированию из так называемой детской группы, ободрённый подсказкой, уверенно ответил:

– Три Мúры!

Ни одна мышца не дёрнулась на лице Новодворской. Но в уголках её прищуренных глаз запрыгала целая акробатическая труппа чёртиков. Человеком она была высокообразованным, с учёной степенью и с незаурядным чувством юмора. Да и педагогом она являлась от Бога.

– Что ж, как говорится, горячо, Тугов, горячо! Три Муры... и один кот Васька! Фидий и Калликрат умерли бы от зависти, что не им эта идея пришла на ум. Слава Богу, и так не дожили.

– А тебе очередная двоечка, Жарких, двоечка! – посмеиваясь, Иля Яковлевна сделала пометку у себя в журнале. Она ещё помнила прошлую «подсказку» Пашки, из-за которой Тугов выдал во всеуслышание такое, чего повторить можно было только исключительно в интеллигентных кругах и при

строго закрытых дверях. Отвечая на сознательно вычурный вопрос «Как называется использование устоявшихся форм в искусстве в последующих современных течениях при зарождение всего нового?» и ожидая ответа, что это, мол, «репрезентативный план», Иля Яковлевна услышала – «Репрезервативный!»

Потупив взор, она только и нашлась что ответить:

– М-да-а... Если использовать вашу версию, вряд ли что родится...

Она понимала, что студенты отслужившие в армии, с радостью «вводят» во взрослый мир своих подрастающих коллег, которые репетировали с ними бок о бок на манеже. «Дедовщина» тут процветала, но только в использовании этих несмыслёнышей в подобных ситуациях.

Иля Яковлевна, чтобы «окрасить серость мозгового вещества», как любила она говаривать, методично гоняла своих учеников по театрам, музеям, выставкам и без этого зачёты не принимала. По словам Новодворской – это был «добровольно-принудительный акт совокупления с высоким искусством». Всё делалось для того, чтобы, как она ещё любила выражаться – «со временем блистать не только рельефами мышц, но и рельефами извилин...»

Пашка много раз видел, как бывшие выпускники, а ныне состоявшиеся артисты, благодарили своего педагога за то, что они в Луврах, Дрезденских галереях, музеях Родена и прочих мировых сокровищницах свободно разбирались в

полотнах Рембрандта, Рубенса, Веласкеса, скульптурах Поликлета и Микеланджело. Могли отличить «Мыслителя» от Аполлона Бельведерского, а при случае выдать фрагменты её лекций, обсуждая полотна Брейгеля-старшего или историю Голландского натюрморта. Это производило неизгладимое впечатление на собеседников. Акции артистов цирка взлетали до небес...

– Так, Жарких, ещё версии есть? В этом слове пять букв – прям кроссворд решаем! – Она часто пользовалась этим приёмом, позволяя даже вольности, так лучше запоминались премудрости мирового искусства.

Пашка знал правильный ответ. Учеником он был прилежным, на уроках постоянно записывал, что-то даже зарисовывал. Его конспект ходил по рукам. Но сегодня Пашка решил подлить масла в огонь.

– Есть, Иля Яковлевна! На фронте Парфенона изображены... «три Мымры»!

Новодворская не удержалась, хихикнула.

– Намёк поняла. Одна из них, надо понимать – я!

Аудитория зашлась в дружном хохоте.

– Тишина-а! – Иля Яковлевна, постучав карандашом по столу, призвала расшумевшихся студентов к порядку. – Пустоту Торричелли, уважаемые будущие мастера советского и мирового цирка, флик-фляком не заполнишь, надо хотя бы ещё сальтишко добавлять, – намекнула она на убогость некоторых своих подопечных и на их нежелание учиться. – Пе-

рефразируя Козьму Пруtkова, довожу до вашего сведения: «Акробат не должен быть, как флюс, односторонним!»

– Почему? – среди начинающих акробатов-прыгунов обозначилось шевеление.

– Во время ваших прыжков всё время будет тянуть в одну сторону, перевешивать...

– Да ладно! – искренне удивился один из представителей этого жанра. Аудитория в очередной раз взорвалась смехом.

– Всё, напоминаю, на восточном фронто́не Парфенона находится скульптурная группа «Три Мойры», с этим и идите в жизнь, то есть на свои репетиции. Урок окончен. Жарких, Щеглов, задержитесь, с вас зачёт...

Глава восьмая

Педагог по эквилибристике Зиновий Бонич Гуревич был закреплён за студентами из Арабской Республики Египет. Сейчас он подправлял стойку на руках одному из них. Египтянин стоял на специальных деревянных кубиках, покрываемая и пытая, силился выполнить то, что от него требовали.

– Али! Тянись вверх! Ещё! Носки! – словами и жестами Гуревич пытался как можно доходчивее объяснить необходимое.

Мохаммед, другой его ученик, стройный невысокий красавец с бронзовым отливом кожи, репетировал тут же, стоя на голове. «Копфштейн» он готовил для работы в воздухе на штейн-трапе.

– Мохаммед, дорогой, не разбрасывай ноги, строже, меньше движений!

Гуревич считался выдающимся мастером в своём жанре. Написал об этом несколько книг. Человеком был образованным и интеллигентным. Обожал своих учеников, те, в свою очередь, не чаяли души в учителе.

Чуть поодаль от своих земляков репетировал Абдель Мохсен. Он выбрал жонглирование и теперь принадлежал команде Земцева. Фирс Петрович придумал номер, близкий к восточному фольклору, и теперь Мохсен с утра до вечера жонглировал бубнами: катал их по рукам, плечам, через го-

лову. Уже начал осваивать жонглирование пятью предметами. Они пока не слушались, падали. Он что-то шипел про себя, но не сдавался.

Мохсен, которого Земцев звал, не мудрствуя лукаво, Максимом, был человеком забавным! На голове у него росла огромная шапка мелко вьющихся волос. Из-за этого он напоминал этакий тёмно-каштановый одуванчик. Роста был выше среднего. На кривоватых от природы ногах двигался угловато, враскачку. Сверкая чёрными маслинами глаз, постоянно улыбался, даже когда для этого не было причин. В перспективе явно вырисовывался номер с комическим персонажем.

Студенты из Египта уже сносно говорили по-русски, быстро прогрессируя в освоении языка. В этом им с большим удовольствием помогали все кому не лень. Их речь теперь являла собой синтез ранее заученных русских фраз, крепко подкорректированных студенческой жизнью в общежитии, с элементами лексикона торговки Тишинского рынка, вкраплений блатной фени и лучших шедевров шахтёрского мата. Педагогам то и дело приходилось деликатно объяснять египтянам, чего стоит говорить, а чего нет, и почему.

Гуревич сейчас как раз занимался именно этим в окружении своих учеников. Беседа шла тихая и несколько напряжённая. Зиновий Бонич пытался объяснить значение очередной египетской скабрёзности, краснел, то и дело перебивал себя словами: «Как бы это вам попонятнее перевести?..»

Фирс сидел за барьером манежа в свой любимой позе Наполеона, положив вечно ноющую ногу на соседний стул.

– Максим, когда катаешь предмет через голову, отведи локоть. Па-аш, покажи!

Пашка взял бубен и прокатил через свою голову.

– Бестолковый! Прижимай кисть ближе к виску. Локоть повыше. Вот та-ак! Теперь он пусть попробует...

Мохсен сходу повторил, что показал Пашка. Тут же стал отрабатывать, чтобы закрепить. Трудолюбием он отличался завидным. В этом плане египтяне были молодцы.

Зиновий Бонич, когда репетировал с Мохаммедом и Али, старался как можно тщательнее подбирать слова, выговаривая их чуть ли не по буквам. В углу Земцева особенно не церемонились – некогда, жонглирование – дело быстрое.

– Фирис Петровись, посмотрите! – Мохсен показал отрепетированную комбинацию. Затем следующую. Через несколько минут ещё одну. Он то и дело обращался к Земцеву со своим «Фирис Петровись».

Пашка отозвал Мохсена в сторону и начал тихо объяснять, что, мол, имя Земцева тот произносит неправильно. Он, конечно, терпит, но обижается.

– А как правильно?

– Аферист Петрович!

Пашка на всякий случай отошёл подальше. Через какое-то мгновение Мохсену захотелось блеснуть знанием настоящего имени Земцева, что он подчёркнуто громко, раз-

борчиво и с радостью в голосе осуществил:

– Аферист Петровись! Посмотрите!..

В углу Гуревича замерли, на манеже воцарилась тишина.
У Земцева глаза полезли на лоб.

– Ты как меня назвал?

Мохсен, окрылённый успехом, максимально чётко повторил:

– Аферист Петровись!

– Ах, ты турок бестолковый! – туфля Фирса полетела в сторону египтянина.

Теперь пришла очередь Мохсена выпучить глаза.

– Я не турок, я – араб! В натуре!

– Уголовники! – следующая туфля Земцева полетела в сторону Пашки.

Хохот едва не обрушил купол учебного цирка. Зиновий Бонич Гуревич вздохнул и отправился на очередные международные дипломатические переговоры по проблемам русского языка...

Глава девятая

Пашкину студенческую жизнь назвать сытой можно было с большой натяжкой. Стипендии циркового училища были крохотными, поэтому практически все студенты искали дополнительные заработки на стороне.

За свою успеваемость к концу первого учебного года Жарких хоть и стал получать повышенную, но и той, как не растягивай, хватало меньше, чем на полмесяца.. «Пару копеек», нет-нет, присылал Захарыч. Жара, где мог, подрабатывал и, экономя на желудке, в свою очередь, регулярно отправлял небольшие денежные переводы тётке в Воронеж.

Валентина после гастролей в Москве съездила за рубеж и теперь летала за Уралом. Она приезжала к Пашке так часто, как могла. Пыталась деликатно оставить ему денег на житьё-бытьё, но тот каждый раз отказывался, говоря, что у него их хватает. Тогда Валентина шла на хитрости. Придумывала разные праздничные даты, которые они отмечали в дорогих московских кафе и ресторанах. Привозила гору продуктов, которую Пашка после её отъезда тут же раздавал своим вечно полуголодным приятелям студентам. Особенно он старался угостить тех, у кого не было приработка и кому неоткуда было ждать переводов.

У Валентины была странная особенность: она периодически неожиданно исчезала, не отвечала на Пашкины пись-

ма, телеграммы и междугородние звонки. Пашка тревожился, ходил угрюмый и расстроенный. Его душа теряла точку опоры, которую он видел только в любви. В такие дни он посумасшедшему, до исступления репетировал, словно хотел себя загнать, заморить, уничтожить. Очередной такой день вновь настал...

– Па-аш! Ну чё ты, в самом деле, клюв вешаешь! – Андрюха Щеглов, занимаясь своими делами, пытался Пашку как-то успокоить и развеселить. Сейчас он неторопливо надевал чистенькую рубашку, поглядывал на часы и весь светился от предвкушения сытного ужина и бурной ночи. Щеглов полгода назад на одной из халтур, так студенты называли свои левые выступления, познакомился с разведённой москвичкой и теперь пару-тройку раз в неделю оставался у неё. Щегол, как звал его Жара, парень был нрава лёгкого, незлобного, любил каламбурные речи и громкие цитаты, придуманные им самим.

Собираясь на свидание, Щегол философски вещал: «Как говорят истинные художники, чтобы карандаш проверить, надо конец поточить!...».

– Ну-ну! Грифель не сломай, Пикассо... – Пашка стоял у окна и смотрел на проезжающие по улице машины.

– Не, ну, в самом деле, мало ли там что у неё! Например – бытовой несчастный случай... – Щеглов застегнул свежесглаженную рубашку и стал её заправлять в брюки. Сегодня он был явно в ударе! Его, как говорится, несло.

– Типун тебе на язык, Щегол ты певчий!..

– Я имею в виду не в воздухе... Там-то чего! Скажем так, – в «партере», – глаз его хитро прищурился и заискрился насмешливой слезой. – Не до писем ей, не до телеграмм... Где-то её там, Пашенька... мужиком придавило!

Щеглов не успел опомниться, как Пашкин сжатый до побелевших костяшек кулак, оборвав пуговицы, крутил рубаху на его груди.

– Жара! Ты чё, охренел! Я ж пошутил! Так, для острого словца!..

Глаза Пашки пылали яростью, он охрипшим голосом скорее просипел, нежели проговорил:

– Андрюха! Ты мне, конечно, друг и земляк, но ещё раз так пошутишь насчёт Вали, сверну челюсть, не задумывайся!..

Пашка рванулся прятаться в улицах вечерней Москвы. Растерянный Щеглов присел в разорванной рубахе на стул. Ехать куда-либо ему расхотелось...

Пашка бродил по Арбатским переулкам, плутал в лабиринтах Сивцева Вражка, шагал мимо Патриарших по направлению к Ямскому Полю, пытаясь растерять свои невесёлые мысли среди старых московских дворов.

Он по многолетней привычке закусывал нижнюю губу, шёл и говорил сам с собой. Со стороны не было видно артикуляции, поэтому прослыть у встречных прохожих за город-

ского сумасшедшего он не опасался.

Мысли были в самом деле невесёлыми... Пашка догадывался, что Валентина ему не верна. Она жила какой-то странной, недоступной для его понимания жизнью: вроде любила – и этому было много доказательств, но в то же время продолжала быть категорично, без обязательств, свободной.

Они пытались как-то поговорить на эту тему. Разговор состоялся обстоятельный, но в сердце остался какой-то горько-сладкий осадок, как если бы Пашка наелся дикого мёда и при этом его укусила пчела...

Валентина задала ему простой вопрос:

– Что тебе больше нравится – моя душа или тело?

Пашка, естественно, не смог определиться с выбором, так как не видел разницы. Для него его Валечка была цельной, неразделимой...

– Душа моя принадлежит тебе вся без остатка! И будет принадлежать вечно! Тело же –местилище пороков и грешных желаний – так говорит один мой знакомый священник. Оно бrenно и со временем увянет. Страсти улягутся, и желания пропадут... Душа будет вечно молодой, чистой и ненасытной в любви. Это важно!..

– Но почему твоё тело должно принадлежать всем, а душа только мне? Я не понимаю! У меня нет желания делить тебя с кем-то!

– Моё тело принадлежит мне и только мне. Только я имею право распоряжаться им по своему усмотрению. Так что и

Это ты ни с кем не делишь. Тело – всего лишь оболочка, как, скажем, пиджак! Захотела – дала кому-то примерить, поносить, но отдать в вечное пользование – никогда!

Пашка пытался вникнуть в суть Валиной теории, но никак не мог её понять. Перед глазами были сотни примеров верных супружеских пар и ровно столько же, которые что-то искали и, в конце концов, теряли друг друга.

– Но есть же такие понятия, как верность, преданность! А если я дам свой «пиджачок» кому-нибудь примерить? Как ты к этому отнесёшься?

– Отнесусь к этому философски, с пониманием. Это твой выбор, я его должна уважать.

– Не представляю, как можно после этого смотреть друг другу в глаза, снова ложиться вместе в постель? Это, как есть ложкой, которую уже кто-то облизал! Мерзко...

– Люди же курят одну сигарету на двоих!..

– Ну, если любовь для тебя сигарета, тогда да... Твоя фаллос-софия, Валечка, не для меня, извини!

– Всё это, Пашенька, условности бытия. Есть самое важное понятие в жизни – свобода!.. Надо жить понятиями Вечности, а не сиюминутности. Мы и к богу уходим бестелесными. Там, говорят, взвешивают души, а не тела. Всё что в душе накопил – за это ответ держать, а не за... – Валентина замолчала, неожиданно задумавшись. Потом медленно договорила, словно сама с собой. – Главные пороки – они в душе, не в теле. Тело – всего лишь инструмент, хм, гитара. Душа

– композитор, музыкант...

Пашка не был готов к теософским спорам и рассуждениям. В вопросах религии он разбирался чисто интуитивно и в тех пределах, которые ему поведал когда-то Стрельцов.

– Наш с тобою Захарыч остаётся верным своей погибшей на фронте жене до сегодняшнего дня. – Пашка вытащил из своей житейской колоды главный козырь. – Он хранил ей свою верность опять же – в душе! Остальное всё – физиология, рефлексy организма, не более того. Именно на усмирение и борьбу с этими плотскими искушениями монахи тратят прорву сил и времени, спасая душу. Забавно! Они тратят усилия на то, что им подарил господь, воюя с природой, ломая её и отчаиваясь, потому что победить это не возможно! Носят вериги, стегают себя плётками, истязая плоть. По сути, они воюют с богом! Он же создал человека по своему образу и подобию!..

– Валечка! Ты, конечно, больше меня знаешь о религии и боге. Я в этом разбираюсь плохо. Но тут что-то не так!..

– Открою тебе страшную тайну! Только, пожалуйста, никому об этом не рассказывай, иначе у меня будет много неприятностей. Так вот! По настоянию того самого священника – не поворачивается язык назвать его батюшкой – папа у меня всё же один, я на неделю попала в женский монастырь послушницей. Там много интересного увидела и услышала. На мои вопросы смогла ответить только одна старая схимонахиня, остальные пребывали в растерянности. Отсю-

да я сделала многие выводы, которых и придерживаюсь до сегодняшнего дня.

– Хм, по образу и подобию своему... – Пашка пытался найти в разговоре нужный тон. – Я не думаю, что бог выглядит, как человек – с руками и ногами. Тогда он тоже должен есть, пить, у него должна быть жена, дети. Как-то всё это просто для вселенной...

– Тут я согласна! Всё иначе устроено, уверена! Но библейская фраза: «по образу и подобию» существует, как ни крути.

– Мне кажется, её можно объяснить следующим образом. Бог – ведь он создатель всего видимого и невидимого, так? Скажем, есть ток, который мы не видим. Но полезешь в розетку – шандарахнет! Так и бог!..

Валентина расхохоталась, представив спор на религиозную тему с таким веским аргументом.

– Нет, ну, правда! Я к чему: есть всякие энергии, которые можно измерить, но их человек не видит, хотя они так или иначе проявляются, как, скажем, электричество в проводах. Мысль человека – это тоже энергия. Энергия! Которую, наверное, можно тоже чем-нибудь измерить и как-то ощутить. То есть она материальна!.. Фу, слава богу, добрался до сути! Теперь не сломать бы мозги и не сбиться! – Пашка перевёл дух, концентрируясь и пытаясь как можно лаконичней далее выразить свою теорию.

– Выходит, что любая человеческая мысль – это материя,

и она, при её сотворении, тут же поселяется где-то во времени и пространстве!.. Отсюда следует, что всё, что человек себе представил, нафантазировал, тут же где-то обретает живое воплощение. Появилась картинка перед глазами, как он кого-то уничтожает – вот тебе война и разруха где-нибудь в другой галактике! Представил райский сад – вот тебе совершенная планета с ангелами! Мы, как бог, можем в мгновение ока, лишь усилием мысли создавать материальные миры! Вот в чём образ и подобие! Мы – Сотворцы!.. Люди несчастливы потому, что своим воображением создают далеко не райские сады! Мы хреновые соавторы бога. Мы – разрушители!..

Пашка вытер пот со лба. От такого напряжения мысли он невероятно устал.

– Да ты, Пашенька, философ! – Валентина с восхищением посмотрела на своего друга. – До такой оригинальной теории не могли додуматься лучшие умы! Я думаю, сейчас Аристотель с Платоном, Кант с Юнгом и Бердяев с Соловьёвым рыдают друг другу в жилетки!..

– Это что за ребята?

– Мировые философы всех времён и народов. Я, мой хороший, в ГИТИС собираюсь поступать, вот почитываю... Давай подытожим! Ты мне сейчас своими глубокими рассуждениями на тему природы сотворения мира что хотел доказать: Величие Человека перед Богом или его Ничтожество?..

Пашка окончательно выдохся. Его только и хватило на то, чтобы обнять Валентину и не озвучить до конца материальную мысль, которая уже давно где-то жила во вселенной и так жгла ему сердце!

– Хочу сказать, что я тебя...

Глава десятая

«Ангелов», известный воздушный полёт, наконец-то пригласили поработать в так называемый Старый цирк на Цветном бульваре. Цирк был в самом деле старый, с историей, насчитывающей более ста лет, и его вот-вот грозились закрыть на реконструкцию. Получить приглашение сюда, где всегда выступали лучшие из лучших, считалось большой удачей.

Валентина теперь жила в цирковой гостинице «Арена» в Лужниках. В Москву из Ленинграда по своим киношным и театральным делам, а заодно и в гости к дочери, периодически наезжала её мать. Администрация гостиницы, увидев знаменитую визитёршу, никак не могла ударить в грязь лицом. Поэтому Валентину по-царски поселили в удобный угловой номер №10—12, где была даже небольшая кухня. Обычно здесь проживали или семейные, или солидные артисты со званиями...

С высоты десятого этажа гостиницы открывался роскошный вид.

Над необъятной Москвой распростёрла свои объятия Королева Времени – Осень. Ленинские горы пылали жёлто-оранжевым огнём. Золотой шпиль Московского университета, словно клинком, рассекал непогоду. Из тяжёлых чёрных туч радостно выкатывалось сияющее солнце, и на Лужники изливалась синяя акварель. Пронзительное улы-

трамариновое небо над излучиной Москвы-реки звало лететь стремительными птицами в необъятную высь. Купола Смоленского храма и высоченной звонницы Новодевичьего монастыря благословляли всех и вся на долгую счастливую жизнь и судьбу...

Пашка учился в цирковом училище. Раз в неделю вырывался к Валентине в «Арену» и оставался у неё на ночь. Вечерами они стояли на балконе, любовались красотами и самозабвенно целовались...

Однажды, когда он в очередной раз пришёл к Валентине в их «10—12», та огорошила его вопросом:

– Пашенька! Ты хочешь иметь от меня детей?

– ?!..

– Нет-нет! Я, как говорится, гипотетически!

– Конечно, хочу! Валечка, а когда?

Валентина расхохоталась в голос. Сколько лет она его знала, столько видела в этом сильном, красивом молодом парне наивного ребёнка. Все эти годы она ощущала себя с ним и подругой, и любовницей, и матерью. Ей это бесконечно нравилось!..

– Пашенька! Ну, сегодня я не могу – это точно, а завтра – рабочая неделя! Придётся немного потерпеть с родами...

Пашка повалил Валентину на кровать.

– Ах, так! Шутить со мной! Я хочу сейчас!

– Милый, не поверишь! Для этого нужно женщине ну хотя бы месяцев восемь-девять... Ладно! Есть идея! – Валентина

покопалась в косметичке и достала карандаш. – Так! Представь, что я тебе уже родила сыночка – нашего маленького первенца, хм, – Раз-Пашёнка. Сейчас, скажем, 1992-й год и ему два годика. Значит, рост его должен быть приблизительно вот такой! – Валентина провела черту на дверном косяке. – Пишем – 1992-й... Хм, люди увидят, с ума сойдут – пока только 1985-й... В следующий раз, когда ты ко мне придёшь, наш сыночек подрастёт, и мы оставим очередную черту с датой – предположим, 1993-й... Когда я отсюда буду уезжать, наш сын будет совсем взрослым. Однажды в том самом будущем, о котором сейчас мечтаем, мы его, настоящего, приведём сюда, в этот номер «10—12», и покажем карандашные отметины. Они совпадут с его временем. Расскажем ему о нашей игре-мечте, и он поймёт, насколько его папа и мама были счастливы! Он всё поймёт!..

– Мечтательница ты моя! – Пашка задохнулся от переполнявшей его нежности и еле выговорил эти слова...

...Они брели по аллеям парка Новодевичьего, близ прудов.

Время замерло, как замерли в вечности древние стены монастыря. Тишину нарушали лишь кричающие утки, садящиеся с лёту на воду, и шорох листопада.

Валентина в короне из рыжих листьев шагала по мягкому шуршащему ковру. Она высматривала под ногами листья самые красивые и только кленовые, поднимала их, показыва-

ла Пашке и, если тот кивал, отправляла очередной подарок осени в собранный букет.

– Мы их прогладим горячим утюгом, потом на ниточках повесим на стены, и в нашем «10—12» будут самые красивые ковры на свете! В комнате до весны будет жить Осень! Так делала моя мама... – Пашка на минуту окунулся в детские воспоминания. Они когда-то, вот так же октябрями, собирали кленовые листья, гладили, а потом развешивали их по обшарпанным стенам жилища на Чижовке. Дом сразу становился каким-то уютным, радостным и светлым. Тётка что-то ворчала про «чокнутых романтиков» и с видимой охотой помогала.

Пашка узнавал о наступлении весны, когда мама с сияющими глазами снимала чуть скукожившиеся листья со стен, собирала их в кучку, выносила во двор и поджигала со словами: «Вот и перезимовали!...»

Валентина сейчас являла собой наместницу Осени на Земле. Она была одета в брючную пару из светло-коричневого велюра. Брюки плотно облегали её стройные ноги, которые заметно удлинялись за счёт высокого каблука. Укороченный приталенный пиджак с подвёрнутыми рукавами выгодно подчёркивал стройность воздушной гимнастки. Полупрозрачная блузка из голубого шифона была созвучна краскам неба и чуть приоткрывала тайну роскошных форм девушки. Каштановые волосы перекликались с листопадом, изумрудность глаз – с остатками прощальной зелени на де-

ревях. Её плавные величественные движения не оставляли сомнений – перед вами особа царских кровей...

Высоко в небе летел самолёт, оставляя за собой белый след, словно деля поднебесный купол, как судьбу, на «до» и «после»...

Валентина замерла с поднятым лицом.

Налетел неожиданно ветер. Вихрь закружил поднятые листья коричневой воронкой. Вращающийся столб на несколько секунд поглотил девушку, всосал её в своё чрево. Вокруг тишина, и лишь на этом пятачке парка шипящий, подвывающий смерч, будто дракон из сказки, похищающий красавицу!..

Пашка страшно испугался – она пропала! Испарилась! Перенеслась в другое пространство, в иное время!

Пашка вскрикнул с какой-то болью, словно его прошила пуля или стрела.

– Милый! Ты что?

Смерч рухнул к ногам Валентины так же неожиданно, как и появился, оставив вокруг неё круг из наметённых листьев, похожий на маленький манеж.

– Я думал... Я... – Пашка стоял с широко раскрытыми глазами и вскинутыми руками, готовый сражаться.

– Не надо ничего бояться! Мы всегда с тобой будем вместе, рядом, чтобы не происходило на этой планете! Мне так нагадали... Понимаешь, родной мой, это – на-все-гда...

Глава одиннадцатая

Дирижёр Московского цирка на Цветном бульваре изящно поднял указательный палец на «внимание!», потом, в конце музыкальной фразы, красивым круговым жестом резко остановил оркестр. В зале повисла неожиданная тишина. Было слышно лишь взволнованное поскрипывание зрительских кресел и шуршание программ.

Самый известный в стране инспектор манежа Завен Григорьевич Мартиросян сделал шаг на арену, поднёс микрофон к губам и торжественно, с неподражаемыми интонациями объявил так, как мог делать только он.

– Внимание! Рекордное достижение в области воздушной гимнастики! Двойное сальто-мортале! Исполнительница... – Мартиросян сделал психологическую паузу, поправил нашее бабочку и продолжил, чуть добавив в голос пафоса. – Валентина-а... – звучную фамилию воздушной гимнастки он не объявил, он просмаковал каждую её букву, напевно растянув окончание. Это было не объявление! Это была симфония, рапсодия, серенада! Все музыкальные формы сразу, в сочетании с озвученными звонкими и глухими согласными, разбитыми на такты певучими гласными, преподнесёнными в виде слова Великим Мастером манежа!..

Зал отреагировал короткими аплодисментами, заинтригованный предстоящим событием.

Валентина стояла на вытянутых носочках в подкупольном пространстве на тонком вибрирующем мостике, держа в вытянутой руке белый гриф трапеции. Её глаза точно выбрали цель и вымеряли расстояние до рук ловитора. Тело её словно звенело от напряжения и сосредоточенности. Белоснежное трико переливалось драгоценными всполохами блёсток. Она подняла руку: «Готова!..» Её отец, легендарный воздушный гимнаст, раскачивался в хромированной ловитёрке, набирая необходимую высоту. Наконец всё сошлось в нужной точке времени и пространства. Виктор Петрович традиционно хлопнул ладонью о ладонь и скомандовал: «Ап!» В воздухе осталось облачко от слетевшей с ладоней магнезии. Оно парило, словно маленький ангел, защищающий гимнастов от смертельных неточностей и ошибок.

Валентина пружинисто оттолкнулась от помоста, в конце кáча ударила оттянутыми носочками в сторону купола, на отходе вернулась назад и, набрав нужную скорость и высоту, понеслась вперёд к надёжным рукам своего отца-ловитора. Облачко ангела-магнезии коснулось её тела и тут же растворилось. В исходной точке Валентина выстрелила всей своей сутью в цирковое поднебесье. Её вращение заставило оцепенеть зал, а некоторых особо впечатлительных зрителей — чуть привстать на своих местах.

Сальто было безукоризненным по чистоте исполнения, виртуозности и красоте. Виктор Петрович с лёгкостью принял дочь в свои руки. Они, держась запястьем в запястье, кач-

нулись гигантским маятником. Валентина выгнула спину парусом на отходе, вернулась на трапецию, с неё на мостик, где ждали её партнёры по полёту. Завен Григорьевич радостно и чётко констатировал в микрофон:

– Есть!.. – потом с видимым удовольствием повторил имя и фамилию гимнастки.

Зал гремел аплодисментами! Оркестр стремился к фор-тиссимо, успех – к триумфу, а первое отделение программы – к антракту.

Лишь маленькое облачко, неожиданно вновь появившееся под куполом, тихо парило между оснасткой воздушно-го полёта, канатами, тросами, верёвочными лестницами и остывающими прожекторами, в ожидании второго отделения...

Валентина стояла в проходе квадратного манежа циркового училища – так его называли, и, улыбаясь, разглядывала студентов. Манеж в самом деле был квадратным. Мягкие, выпачканные магнезией барьеры обрамляли правильный прямоугольник. Над ним был высокий потолок и стены с балконом по периметру второго этажа, где широкие окна дарили помещению дополнительный свет. Зал был оборудован спортивно-цирковой оснасткой. Здесь репетировали первокурсники на трапеции, ходили по невысокой туго-натянутой проволоке начинающие канатоходцы. В правом углу расположились брусья и кольца для гимнастов, слева

шведские стенки. Центр зала пересекала красная пружинистая дорожка для акробатов, которую запрещалось перебегать, когда там прыгали. В левом углу, рядом с ящиками для реквизита, – место жонглёров и эквилибристов-стоечников. Порядок был заведён давно и не менялся вот уже много лет.

Хмурый Пашка укладывал в настенный ящик кольца. Там же лежали его репетиционные булавы и мячи. Всем этим жонглёрским реквизитом он умело владел в силу своей будущей профессии, но предпочтение отдавал кольцам, как советовал Земцев.

– Ну, что, турок бестолковый, могу поздравить!.. – Фирс Петрович прихрамывая, подошёл к своему ученику. На основном, круглом, манеже только что закончился очередной контрольный просмотр, на котором присутствовала и Валентина. Худсовет училища периодически отсматривал создаваемые педагогами номера третьекурсников и выпускников, в числе которых был и Пашка.

– Сегодня ты был в ударе!.. Как жонглёр достиг половой зрелости – всё было на полу! Осталось в конце номера самому упасть, и был бы логичный финал. Столько завалов я за свою жизнь не видел!..

– Фирс Петрович! – Пашка сделал попытку оправдаться. – Все трюки новые, ещё сырые, а вы требуете, чтобы я их сразу на манеже комиссии показывал! Вот и результат! В репетиции же получалось!

– В репетиции любой сделает! Ты, бестолковый, в работе,

в стрессовой ситуации покажи! Вот тогда и понятно: есть у тебя этот трюк или ещё только в зачатии. Для этого и делаем просмотры. От них ты и растёшь. Ладно, проехали! По предмету ставлю двойку, а за отвагу даю медаль! Это надо пережить. В твоей жизни ещё много будет и взлётов, и падений – такая профессия. Сколько не репетируй, гарантии, что не нападёт «падучая», никакой. Лозунг «не поваляешь – не поешь!», думаю, придумали жонглёры.

– Ну, почему же, дорогой мой дядя Фира! – Валентина сверкнула белозубой улыбкой и серо-зелёными глазами. – Мы тоже в сетку ныряем десятки раз, пока попадём в руки к ловитору.

– Мимо рук твоего отца может пролететь только законченный бездарь, да и то я сомневаюсь. Как он там, кстати? Петровичу привет передавай. Может, как-нибудь соберусь, приду к вам на Цветной. Ладно, воркуйте, мастера! – Земцев тяжело опираясь на трость, пошагал с манежа в учительскую на «разбор полётов».

– Дай я тебя поцелую, мой милый Пашенька! Лично мне всё понравилось, даже завалы. Ты так артистично их обыгрываешь – залюбуешься!

– Да уж! – Пашка сделал попытку улыбнуться и с удовольствием подставил Валентине губы.

– Так-так! У Пашки обнимашки-целовашки! – словно из-под земли появилась Серебровская. Она натянуто улыбалась, ревниво поглядывая на роскошную фигуру уже извест-

ной воздушной гимнастики. На Валентину то и дело с восхищением засматривались студенты, которые побывали на программе в Старом цирке, а педагоги уважительно раскладывались.

– А у Вали – трали-вали! – игриво парировала она и тряхнула водопадом каштановых волос. В мочках её ушей заиграли любимые Пашкины серьги с камнями «Блэк Стар».

– Ух ты! Красота какая!

– Нравится?

Нателла с восхищением и плохо скрываемой завистью смотрела на светящиеся перекрестия в чёрных камнях.

– Ещё бы!..

Валентина убрала волосы назад и неторопливо вынула серьги.

– Держи, подруга! Когда ещё поедешь за границу, а это только там можно купить. Я брала в Индии. Тебе будет к лицу. Это любимые, Пашенькины... – Валентина с хитрецей намекнула на понимание пикантной ситуации, видя и зная, как Серебровская во всю старается завладеть вниманием её парня.

Нателла торопливо воткнула себе в мочки серьги, словно опасаясь, что Валентина раздумает. Та спокойно и величественно наблюдала за своей гипотетической соперницей.

– Хм, я же говорила – идёт! Да, Пашенька?

Тот дёрнулся, всё его существо выражало протест. Это действительно были его любимые серьги. Он их помнил с

того часу, как они встретились.

– Пашенька, любимый мой! С прошлым надо расставаться легко! – Валентина ослепительно улыбнулась, нежно коснулась его руки и прищурила бездонную зелень своих кошачьих глаз. – Ну, что я их буду всю жизнь носить? У меня этих побрякушек!.. Кстати, Нателла, это носится вместе! – Валентина сняла с пальца перстень с таким же камнем. – Гарнитур есть гарнитур!..

Серебровская, горя глазами, попыталась надеть подарок на безымянный палец. Перстень был великоват.

– Подружка моя! У меня ручищи-то воздушницы! Ты его на свой средний пальчик пристрой, будет впору.

Нателла подняла кисть, любуясь подарком и игрой камня.

– Ну, как, Жар-птичка? – она обратилась к Пашке, излучая неподдельную радость.

– Впечатляет... – без энтузиазма отозвался тот.

– Спасибо, Валечка! Можно я тебя поцелую? – она благодарно чмокнула воздушную гимнастку в щёку. – У-у! Какой коттон! – руки Серебровской прошлись по джинсовой курточке Валентины. – «Лэвис»?

– Ну что ты! Бери выше – «Вранглер»! Покупала во Франции. Только у них там называют этот материал «деним».

– Счастливая! По забугорью едешь!

– «Ангелы» – это имя! Мы нарасхват. За нами импресарио в очереди стоят! – похвасталась Валентина. Собственно, так оно и было, она несколько не преувеличивала. – Рас-

ти, подружка быстрее, номер делай, выпускайся и вперёд – к капиталистическому счастью! А это тебе на память, за отличный просмотр. Номер у тебя получается недурной. Поедешь со временем. Папашка, отчим твой, надеюсь, тоже к этому руку приложит. – Валентина сняла с себя куртку и протянула Нателле. – Примерь! Думаю, будет впору, ну может чуть великовато, подошьёшь. У меня сегодня аттракцион щедрости!..

Нателла в который раз сверкнула глазами.

– Столько подарков сразу! Неудобно как-то!

– Бери, говорю, неудобно ей! Неудобно такой цирковой красоте, как ты, в крашенной под «Монтану» юбке ходить! Брюки потом подарю. Кстати, у меня под ними гипюровые французские трусики – закачаешься! Но снять не могу, извини...

– Девчонки! Я вам тут не мешаю? – Пашка всё это время стоящий истуканом, решил напомнить о себе.

– Ну что ты, любимый наш! Кому может помешать такой мужчина, как ты, правда, Нателла? – Валентина снова устремила свои невидимые стрелы в сторону Серебровской. Та опустила глаза, всеми силами пытаясь скрыть живущие в ней чувства. – Ребята! Радуйтесь! Сколько той жизни!..

Глава двенадцатая

– Стоп! Стоп! Вячеслав Михайлович, дорогой мой! Ну кто так сидит на лошади! Вы же граф! Голубая кровь! Так сидят на... – режиссёр в сердцах чуть было не сказал «на унита-зе», но, пощадив самолюбие известного киноактёра, закончил свою мысль более сдержанно: – На диване в мягких тапочках, и смотрят футбол. Вы же говорили, что ездили на лошади!

– Было дело! Но там был партизанский отряд, и не надо было демонстрировать кавалерийскую выучку и стать. К тому же я там по сюжету был ранен...

– А-а, ну, если ранен, тогда другое дело!.. Что будем делать, помреж? Мне вообще нужно по сюжету, чтобы он скакал и в конце лошадь свечой задира л вверх. Мы для этого и коня взяли бодрого. У меня раскадровка уже выписана и прорисована до мелочей. Мне что самому это делать? Я могу! Только кино кто будет снимать?

Подошла помощник режиссёра по актёрам.

– Никита Сергеевич, может, того парня попросим, что лошадь из кавполка сопровождает? Он же кавалерист, ему, как говорится, и шпоры в руки...

– Нина Андреевна, дорогая! У вас со зрением как? Вы посмотрите и сравните их фактуры, рост. Я каким гримом и костюмами этот дубляж спрячу? Нужно быть незрячим иди-

отом, чтобы не заметить подмену!

– Никита Сергеевич! Извините! Я тут услышала! Есть вариант... – Валентина оказалась около режиссёра, шурша кринолином. На ней было роскошное декольтированное платье светлых тонов конца девятнадцатого века. Талия утянута в корсет, в руках веер. На шее и в ушах играли изысканные фальшивые бриллианты. На голове широкополая шляпка из перьев. Завитые каштановые локоны ниспадали на обнажённые плечи. Валентина чудо как была хороша! Она сейчас напоминала изысканно приготовленный бисквитный торт со сливками и кремом, который так и хотелось отведать...

Режиссёр невольно залюбовался ею и не сразу расслышал, что она сказала, увлечённый своими мыслями.

– Прости, милая, что?

– Я говорю, есть дублёр. Мой... брат. Лошадью владеет хорошо. Он цирковой. – Валентина указала на стоящего в массовке Пашку. Она специально того уговорила приехать, чтобы побыть вместе, посниматься и дать ему немного заработать.

Сегодня съёмки проводили на натуре: дачные сценки игр на поляне, пикник и ещё разные сопутствующие эпизоды жизни дворянского быта времён Островского.

Валентина подвела Павла к режиссёру.

– Послушай, старик! Мне нужно, чтобы ты вполоборота к камере, а потом спиной, по команде, на коне рванул с места и как можно быстрее. Так сказать – с места в карьер! Смо-

жешь? – обратился он к протеже Валентины.

Пашка кивнул. Дело было простое.

– Перерыв полчаса. Подготовьте костюм дублёру, а мне кофейку...

Через минут сорок ещё раз выставили свет, разметили площадку, проверили рельсы, тележку с кинооператором. Всё было готово.

– Все по местам и предельно внимательно! «Мукасей»! Ты как?

– Да нормально, какаю... – не зло огрызнулся оператор, уткнувшись в окуляр камеры. – Я как пионер!..

На «Мукасея» он не обижался, откликался охотно. Ему импонировало имя легендарного кинооператора, но немного задевало. Он сам был кинематографистом с опытом и именем. «Мукасей так Мукасей! Лишь бы не было детей!» – обычно он отшучивался своей рифмованной придумкой.

Подвели рослого коня к загримированному Пашке. Валентина залюбовалась своим «братом»: рост, стать, ровная спина, сдержанные манеры, уверенные движения. Тот почти не отличался по фактуре от главного героя, которого ему предстояло дублировать. В высоких лакированных сапогах с нестрогими шпорами Пашка казался ещё стройнее и выше. Костюм конца девятнадцатого века делал его загадочным красавцем и каким-то недосыгаемо чужим. В руках он держал короткий хлыст. Порода! Белая кость!..

Пашка одним коротким замахом ноги влетел в седло.

Конь под ним заходил ходуном и попробовал было качнуть права, как только что успешно делал это с предыдущим седоком. Пашка коротко пильнул поводьями. Мундштук прошёлся по губам коню. Тот присел на задние ноги и попятился. На площадке напряглись, некоторые даже шмыгнули в сторону. Жара дал коню шенкелей, дважды ударив пятками по бокам. Тот взвился свечой на задние ноги в попытке сбросить седока, потом было рванул вперёд, но натянутые поводья остановили его порыв. Конь всхрапнул, почувствовал опытную руку, признал власть над собой и затих. Статус-кво был восстановлен. Жара объявил, что он готов.

Режиссёр с сожалением тихо протянул кинооператору:

– Какой ка-адр просрали!.. – и тихо выматерился, облегчив душу.

– Скажу по секрету, я снял этот «какой ка-адр!» – оператор точно спародировал голос и манеру режиссёра.

– Ты мне ещё попартизань, плёнку порасходуй без команды! Уволю на хрен!.. – и подумав, добавил: – Ну, или премию выпишу. По результату...

– Ты, Никита, люлей мастер выписывать, а не премии...

– Так, всё! Тишина на площадке! Снимаем! Мотор!

Пробежались специальные ребята, напустили горьковатого киношного дыма. Выскочила какая-то девица с хлопушкой, скороговоркой назвала какие-то странные слова и цифры, в конце громко шлёпнула деревянным каркасом и отскочила в сторону.

– Пошёл! – Никита Сергеевич приподнялся со стула и вперился взглядом в наездника.

Жара, как его и просили, развернул коня и себя вполоборота к камере, поднял коня на дыбы, тот в воздухе помахал передними ногами, опустил и крупной рысью полетел по просёлочной дороге. Он так резво взял, что комья земли полетели в камеру, заляпав объектив.

– Стоп! Снято! – громко и радостно прозвучал искажённый мегафоном голос режиссёра. – Что скажешь?

– Что скажу? Премию выписывай! Есть твой: «какой ка-адр!»

Никита Сергеевич, потирая руки, вдруг предложил:

– Слушай, «Мукасей»! Натура есть, солнце грамотное, давай отснимем с этим парнем проезд по косогору и остановку у обрыва. Рельсы выложены, плёнки валом. Если так всё пошло, фарт за нами! Через сколько будешь готов?

– Ну, в полчаса уложусь. Камеру перетащить, прокачаться пару раз туда-сюда, объектив поменять. Другую камеру на кран закрепить. Думаю, одновременно двумя будем снимать. Мой помощник общим планом, я с трансфокатором попробую. Потом картинку сложим. Дубля в три-четыре, думаю, уложимся. Надо поторопиться, а то солнце засвечивать будет...

Режиссёр похвалил Пашку и стал объяснять новую задачу.

– Значит так. Ты на хорошем галопе проходишь вон по тому холму. Внизу пойдёт камера. На неё ни в коем случае

не смотри! Вон у той берёзки обрыв – это ориентир. На его краю поднимешь лошадь в свечу, сойдёшь с неё и будешь смотреть вниз, как бы решая, ну, там, жить или не жить. Короче, играешь трагедию. Задача ясна? Всё! Готовься!

Никита Сергеевич подмигнул подошедшей Валентине, широко улыбаясь.

– Брат у тебя молодец! Спасибо, выручила! – режиссёр вложил особенный смысл в слово «брат». От его опытного глаза не ускользнули совсем не братские, жадные поглядывания друг на друга Пашки и Валентины. Мать Валентины была тут как тут. Она прилагала немалые усилия, чтобы известный режиссёр обратил на её дочь внимание. Она была организатором участия Валентины в этой картине. Та, в свою очередь, притащила Пашку, хоть мать и была категорически против. Она видела судьбу своей дочери по-своему. Весьма по-своему...

Всё время пребывания на съёмках Пашка был на взводе, как сжатая пружина. Мир кино оказался совсем иным, нежели представлялось. Цирк по сравнению с ним показался тихой заводью, уютным и обжитым, как домашние тапочки.

...Пашка поднялся на цветущий косогор. Тут было полно земляники. Он насобирал горсть крупных душистых ягод для Валентины, положил их во внутренний карман, подогнал стремяна и стал ждать команду. Впереди его ждал путь метров в триста-четырееста, который он должен был проскакать на коне и далее сделать всё, что просили. Он смотрел вдаль, и

его сердце трепетало от ощущения бесконечности грунтовой дороги, уходящей в небо с лёгкими облаками. Ему хотелось не останавливаться ни на краю обрыва, ни на краю земли...

Вокруг бушевало лето. Запах разнотравья далёкого глухого Подмоскovie кружил голову. Старинный костюм, как машина времени, путал даты и века. Всё замерло в Вечности. Лишь Пашкина любовь, которая ревностью выжигала сердце, не оставляя там места для безмятежья и покоя...

«Внимание! Приготовились! Мотор! Пошёл!..» – раздалось в мегафон.

Пашка ударил коня в бока. Он послушно ответил крупным галопом, и они понеслись. Ветер свистел в ушах. Конская шея ритмично ходила вперёд-назад. Земной шар вращался под копытами коня, наматывая витки. Пашка задохнулся от восторга. Он много раз закладывал круги на манеже с джигитами и даже исполнял несложные трюки. Но чтобы вот так, под небом, по прямой – первый раз!

Он забылся где он, что он! Ветер обжигал щёки и стегал по глазам. Его волосы светлым пламенем трепетали на ветру. Он ликовал. Из груди невольно вырвался какой-то первобытный клич! Пашка бросил поводья и раскрыл руки. Он не был сейчас человеком, он был птицей. И его конь был птицей. Земли под ногами не ощущалось – была небесная твердь. Они летели!..

Металлическая кинокамера с холодным глазом-стеклом широкоугольного объектива беспристрастно фиксировала

полёт истосковавшей по свободе души!..

– Что он творит, мать его! Ладно, пусть доделает! Переснимем... – режиссёр кусал в досаде губы и ждал конца дубля.

Другая камера взвилась на кране и поехала к краю обрыва.

Пашка очнулся, увидев далеко внизу плёсы и красавицу Оку. Косогор резко обрывался в многометровую песчаную пропасть. Он поймал поводья, натянул что было сил. Конь присел, проехал по инерции на вытянутых ногах с десятков метров по траве, оставив чёрные следы, и остановился как вкопанный на самом краю. Пашка соскочил с седла, посмотрел сначала вниз, потом поднял голову к небу и, снова раскинув руки в стороны, радостно закричал во всю мощь лёгких. Конь сначала в испуге дёрнулся, потоптался на месте, потом, раздувая ноздри, подошёл сзади к Пашке и положил голову на плечо, тоже устремив свой лошадиный взгляд в безбрежную степную даль. Жара приласкал коня одной рукой и прижался к нему щекой. Они сейчас были единым божьим творением и испытали одно и то же чувство – восторг от сиюминутности, называемое счастьем...

«Мукасей» отвалился от видеоискателя камеры, вспотевший и улыбочивый.

– Никита! Мы сегодня будем говорить «стоп» или хрен с ней, с плёнкой?..

– Стоп! Снято! – с какой-то странной хрипотцой в голосе не крикнул, шепнул в микрофон мегафона режиссёр. – Вот

это ка-адр!.. – он выматерился длинно и с каким-то восторженным наслаждением, словно в мире не было иных слов, способных передать ту глубину чувств и переживаний, которые он испытал за эти пару минут. – Всю мою задумку испортил, засранец! По-своему сделал! Но, ка-ак! Совсем другой смысл вложил! Ай да пацан! Ну и денёк!.. На сегодня всё...

– Никита! Может, по десять капель?

– А ты, «Мукасей», гарантируешь, что всё снял как надо? Без брака и ещё какой-нибудь там херни?

– Обижаешь, начальник! Не в девочках ходим! Замужем не первый год...

– Ну, тогда, дорогой мой, сегодня можно и по сто! За его Величество – Ка-адр!..

Глава тринадцатая

Съёмки на натуре закончились и продолжились в павильоне «Мосфильма». Там уже стояли смонтированные декорации интерьера старинного особняка, разбитого выгородками на многочисленные комнаты.

В павильоне витал запах свежеструганных досок, красок, столярного клея и ещё чего-то невидимого и волнующего. Так пахнут новые декорации в театре перед премьерой. Всё это смешивалось с медовым ароматом восковых свечей, киношным дымом и разноголосыми духами героинь. Свет древних дигов, современных дуговых софитов и специальных киносъёмочных прожекторов, которые включали то попеременно, то вместе, выжигали сетчатку глаз и завораживали таинством происходящего. Телескопическая рука крана, на которой восседал кинооператор, в молочном тумане парила над массовой. Режиссёр заглядывал в специальный объектив, вымеряя будущий кадр. Всё время говорили на каком-то птичьим языке. То и дело слышались непонятные слова и команды. Оператор вопил про какой-то баланс белого и тут же по-чёрному ругал установщиков света. Кого-то подпудривали, кого-то искали, поминая родную мать отсутствующего, кто-то оправдывался перед помощником режиссёра. Где-то стучали молотками, пилили, подправляя выгородки. Царила неуправляемая, на первый взгляд,

суета. Пашка несколько оробел. В цирке всё казалось много понятней и проще...

– Сейчас будет мой эпизод. Не ревнуй, любимый, меня будут целовать! – Валентина стрельнула из-под подведённых ресниц зелеными призывными брызгами, ослепительно улыбнулась и наигранно стыдливо прикрылась раскрытым веером, оставив только свои кошачьи глаза. В бальном платье прошлого столетия, в блистающих киношными бриллиантами подвесках, таком же ожерелье и умопомрачительном декольте, Валентина была восхитительна и неотразима! Пашка невольно сглотнул слюну и потянулся к её лицу.

– А вот этого, мил человек, делать не надо в павильоне! Вы не в цирке! Валя! – строгим голосом обратилась к ней мать. – Думай о съёмках и о роли, а не о небесных кренделях! Что скажут Никита Сергеевич с Вячеслав Михалычем!..

Мать в этом фильме играла одну из главных ролей: то ли какую-то графиню, то ли помещицу – Пашка в этом не разбирался. Эпизод назывался «На балу». Выглядели все соответствующе.

– Мамочка! Как же мне не думать о небесных кренделях, я же – воздушница! А потом, ну чего там играть! Господи! Играю саму себя – такая же сучка!..

Мать Вали, скусив носик, обмахнулась веером и зашуршала платьем в сторону площадки, где готовились к съёмке. Пашка расслышал недобрый шёпот удаляющейся известной актрисы: «О, господи! Ну и нравы!..»

– А сама-то!.. – Валентина проводила мать долгим взглядом, посмотрела на Пашку и впиалась в его губы своими губами.

– Ну, что, о роли я, кажется, подумала, даже, вот, порепетировала – всё как хотела мамочка! Я готова...

Раз за разом снимали новые дубли этого эпизода. То и дело что-то не получалось. То пары сталкивались в танце, то с кого-то слетал парик, то главные герои вываливались из кадра, то их перекрывали. Духота стояла в павильоне немилосердная. Атмосфера тоже накалялась. Режиссёр сдержанно психовал, не понимая, чего тут сложного – отснять несколько метров плёнки, и пил бутылку за бутылкой минеральную. Оператор в который раз вопил на световиков, что те проморгали направить куда-то там какой-то отражатель и у него «творилась какая-то хрень с тенями»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.